

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра теоретических и публично-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Заведующий кафедрой
д-р. юрид. наук, профессор
О.Ю. Винниченко
«02» 06 2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С
ТЕРРОРИЗМОМ И ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «*Магистр права*»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Мусаев
Игорь
Гаматович

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент

Бырдин
Евгений
Николаевич

Рецензент
канд. юрид. наук, помощник судьи
Арбитражного Суда Западно-
Сибирского округа

Мейранс
Анна
Гаметовна

Тюмень
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ.....	11
1.1. СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ.....	11
1.2 РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.....	20
1.3. КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ, ПРОИЗОШЕДШИЕ В СОВРЕМЕННОСТИ	26
ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ.....	32
2.1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА, КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА.....	32
2.2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ.....	39
2.3. РОЛЬ ИНСТИТУТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ.....	42
2.3.1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ООН ПО НАРКОТИКАМ И ПРЕСТУПНОСТИ (ЮНОДК).....	46
2.3.2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН	51
2.3.4. СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС) И СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (СНГ).....	57
2.3.5. СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА.....	63

2.3.6. СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА И ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ	65
ГЛАВА 3. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	69
3.1. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И АКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИХ СОБЛЮДЕНИЯ	69
3.2. СОСТОЯНИЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ В РАЗРЕЗЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ СУДОВ И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.....	74
3.3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ	87
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	90
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	96

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема противодействия проявлениям терроризма, как совокупности основанных на насилии идеологий, находящих свое выражение в использовании противоправных насильственных методов, направленных, в первую очередь, на устрашение населения и преследующих своей целью оказания воздействия на решения, принимаемые публично-правовыми образованиями (то есть субъектами, обладающими властными полномочиями), фактически – насильственное продвижение собственных политических интересов (или политических интересов неофициального бенефициара такой идеологии), наиболее остро становится в современном постиндустриальном обществе, основанном на принципах гуманизма, развития и сохранения человеческого капитала и частной инициативы в общественной жизни, которым противна сама сущность идей политического насилия.

Причины же распространения деструктивных террористических представляются многоаспектными и во многом кроются в противоречиях, имеющихся в различных сферах общественной жизни, которые чаще всего затрагивают экономические, социальные, этнические и религиозные отношения. И, как справедливо отмечается рядом исследователей, современный терроризм все более приобретает форму боевых действий нетрадиционного характера [Сорокин О.В., с. 72-73].

Соответственно, поскольку современный терроризм обладает более рациональным, системным характером, происходящие в настоящее время процессы глобализации и цифровизации общества, связанные с увеличением количества и усложнением общественных связей, как внутри отдельного государства, так и в рамках мирового масштаба, обусловленным упрощением коммуникации, возможности отправления информации, денежных средств и людей между различными регионами планеты, не могли не сказаться на особенностях трансформации деятельности последователей террористических

идеологи и быть использованными в ней. Именно поэтому главной особенностью терроризма на рубеже столетий является приобретение рассматриваемым явлением глобального характера, глобальной угрозы человечеству, распространяющейся на всех континентах, располагающей широкой инфраструктурой, мировыми средствами коммуникации, разнообразными источниками финансирования и материально-технической поддержки, и следующими из всего вышеперечисленного широкими возможностями нанесения катастрофического ущерба государствам и населению планеты.

Вследствие вышеуказанных факторов международный терроризм традиционно признается одной из существеннейших угроз современному человеческому обществу – резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 28.03.2019 года № 2462 (2019).

В качестве наиболее яркого примера масштабного проявления террористической идеологии, является активность международной террористической организации «Исламское государство», деятельность которой была запрещена в Российской Федерации на основании Решения Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С. Указанная организация проявляя наибольшую активность в период с 2014 по 2019 годы на территории Республики Ирак и Сирийской Арабской Республики и преследуя цели ведения войны для создания общемирового теократического государства активно распространить свою деятельность на наибольшее количество государств и организовать максимально широкое вовлечение людей по всему миру.

В частности, по данным информационного агентства ТАСС (публикация «Террористическая организация «Исламское государство». Досье»), рассматриваемая организация активно осуществляла процессы интеграции и координации с целым рядом иных радикальных религиозных организаций, действующих на территории различных государств от Федеративной Республики Нигерия до Республики Филиппины (в том числе, действующие

на территории Российской Федерации, кавказского и центральноазиатского регионов), а также привлекала иностранцев для участия в боевых действиях на подконтрольной территории – по данным Федеральной службы безопасности, опубликованным информационным агентством ТАСС (публикация «ФСБ: свыше 5 тысяч граждан из России и Центральной Азии воюют на стороне ИГ»), по состоянию на 2015 год рассматриваемой террористической организацией проводилась активная вербовка граждан постсоветского пространства, а также активное привлечение финансирования осуществления террористической деятельности.

Более того, в настоящее время, несмотря на существенное снижение активности рассматриваемая организация продолжает осуществлять вербовку сторонников, сбор финансирования и подготовку террористических актов и иные преступления, в том числе, на территории Российской Федерации и сопредельных государств, активно используя сформировавшиеся трансграничные экономические, социальные и культурные связи между государствами постсоветского пространства, используя, в том числе, явление трудовой миграции граждан центральноазиатских государств в Российскую Федерацию – публикации информационного агентства РИА НОВОСТИ «ФСБ предотвратила теракт на Ставрополье» от 25.04.2022; «в Карачаево-Черкесии задержали сторонника ИГ, планировавшего теракт» от 29.04.2022; «в Москве дали срок финансирувавшему ИГ иностранцу» от 03.06.2022.

Вышепредставленные общемировые тенденции развития общества, а также террористических практик с учетом приведенного примера, как представляется автору настоящей работы, в полной мере иллюстрирует существенную значимость создания механизмов эффективного сотрудничества участников мирового сообщества в борьбе с международным терроризмом. В современных реалиях активного информационного развития представляется немаловажным аспект международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму, консолидации усилий государств на региональном и на глобальном уровнях с целью эффективного пресечения

проявления международного терроризма путем устранения «опорных точек» для террористической деятельности и исключения использования последней в недобросовестной политической конкуренции.

В этой связи представляется необходимым отметить, что реализация антитеррористических мероприятий зачастую неизбежно сопряжена с определенными ограничениями прав и свобод граждан в самых различных сферах общественной жизни, что может выражаться в ограничении личных прав граждан, при проведении превентивных оперативных мероприятий по выявлению последователей террористических идеологий и пресечении их деятельности, угрозе жизни и здоровью граждан, связанной с реализацией государством принадлежащей ему монополии на насилие в рамках вооруженного противодействия терроризму. Кроме того, совсем недавно по историческим меркам была решена гуманитарная дилемма о необходимости уважения и соблюдения личных и процессуальных прав лиц, готовивших или совершивших преступление террористического характера.

Указанные проблемы противодействия терроризму вступают в тесное соприкосновение с основополагающими началами международного гуманитарного права и законным интересом современного гуманизирующего общества в обеспечении безопасности, как от проявлений террористических идеологий, так и от злоупотреблений со стороны государственных институтов. Соответственно, объединение международных усилий в противодействии терроризму не представляется возможным без выработки единого стандарта защиты и гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина, основанного на балансе между интересами общественной безопасности и личными охраняемыми законом интересами конкретных людей.

В этой связи представляется необходимым отметить, что исследование особенностей международного сотрудничества в борьбе с терроризмом служит целям совершенствования методов противодействия террористической деятельности, как с точки зрения их эффективности в

решении поставленных задач, так и с точки зрения минимизации потенциального вреда правам и свободам человека и гражданина.

Научная новизна темы исследования. Особенность настоящей работы заключается в комплексном исследовании подходов различных глобальных и региональных международных организаций к разработке и реализации мероприятий по противодействию террористической деятельности, рассматриваются особенности международного судебного контроля в сфере обеспечения прав человека в рамках борьбы с терроризмом, а также проводится историко-теоретическое исследование проблем международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и международного гуманитарного права.

По результатам проведенного исследования автором настоящей работы представляется ряд выводов и предложений о совершенствовании нормативного регулирования международного сотрудничества в сфере обеспечения прав человека при противодействии террористической деятельности, образования новых международных институтов, призванных повысить эффективность такого сотрудничества.

Цель исследования. Провести комплексное и детальное исследование международно-правового регулирования регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом, его особенностей и проблем защиты прав человека.

Задачи исследования. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- исследовать международное сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом в контексте его исторического развития;
- выявить признаки международного терроризма, которые могут быть взяты за основу его унифицированной дефиниции;
- исследовать проблему квалификации международного терроризма как международного преступления;

- представить системный анализ международных антитеррористических соглашений и документов международных организаций;
- исследовать международно-правовую практику взаимодействия по борьбе с терроризмом в рамках Европы и Содружества Независимых Государств, а также механизмы двустороннего антитеррористического сотрудничества с Россией;
- проанализировать актуальную судебную практику международных юрисдикционных инстанций, связанную с восстановлением нарушенных прав человека при противодействии терроризму;
- выявить проблемы соблюдения прав человека в контексте международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом;
- выявить проблемы и возможную модернизацию нормативно-правовых актов соблюдения прав человека в сфере международного сотрудничества Содружества Независимых Государств борьбы с терроризмом.

Объект исследования. Нормативно-правовое регламентирование международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму, а также защиты прав и свобод человека и гражданина.

Предмет исследования. Вопросы формирования и соблюдения международно-правовых стандартов защиты прав человека, а также особенности договорной и организационно-правовой форм сотрудничества государств в борьбе с терроризмом, включая меры по выдаче и наказанию лиц, совершивших преступления, связанные с терроризмом.

Методологическую основу настоящей магистерской диссертации составляет диалектический метод научного познания, а также общенаучные: конкретно-исторический и логический методы, метод анализа и синтеза и частно научные (юридические): формально-правовой, сравнительно-правовой и историко-правовой анализ, а также компаративистика.

Нормативную основу настоящего исследования нормативные правовые акты международного гуманитарного права, иные международные соглашения, нормативные правовые акты и рекомендательные акты международных межправительственных организаций. Кроме того, основу представленной работы положены акты национального законодательства Российской Федерации и иностранных государств, а также правоприменительная практика международных юрисдикционных органов и судов судебной системы Российской Федерации.

Теоретическая основа исследования представлена следующими работами представителей отечественной и зарубежной правовой доктрины: Абдулагатова З.М., Амирджанян И.Г., Керейтовой Э.Э., Афанасьева Е.Г., Белоуса В.Г., Гневашева Е.А., Богомолова С.Ю., Будаевой С.В., Дегтяревой Н.В., Булавина В.И., Возженикова А.В., Ивакина С.В., Ильина Е.П., Кальченко Н.В., Коротковой М.В., Кудашова В.И., Лузянина С.Г., Клименко А.Ф., Меркурьева В.В., Мирошниченко Р.В., Ображиева К.В., Омаровой Б.К., Рахманова Н.В. и многих других.

Структура работы. Настоящая магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы и подпараграфы, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

1.1. СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

В современном мире образовалась новая проблема – международный терроризм, который сегодня носит глобальный характер и только активные межгосударственные связи могут разрешить эту проблему. Первичные эмпирические исследования в этой области сопряжены с очевидными проблемами, и получить доступ к самопровозглашенным террористическим группировкам практически невозможно, также не практически нет доступа к службе безопасности и информации. Стандартные методы исследования, направленные на решение таких проблем, такие как наблюдение за участниками, кажутся неэффективными. Все вышперечисленное в какой-то степени является точным объяснением недуга, которым заражены исследования терроризма, но более глубокая проблема кроется в теоретическом вакууме, лежащем в основе этой области. В магистерской работе развивается полномасштабное теоретическое описание терроризма, и я предполагаю, что есть три взаимосвязанных соображения, которые необходимо учитывать, если мы хотим продвигаться вперед в изучении терроризма. Вкратце – это интеграция теорий государства и его развития в информационном поле, принятие структурного подхода по сравнению с более психологическими подходами, которые в настоящее время доминируют; и более исторически обоснованное понимание терроризма в отличие от презентизма [Афанасьев, с.10-12].

Более теоретически обоснованный подход к терроризму неизбежно будет более структурным по своей направленности и внедрению психологических моделей в эту область, как политическое явление терроризм не может быть объяснен или понят исключительно с точки зрения индивидуальной психологии определенных людей. Более того,

сосредотачиваться только на психологических предрасположенностях определенных людей – значит пренебрегать целым рядом важных структурных причинных факторов, как материальных, так и идеологических, которые составляют и способствуют этому явлению. Действительно, если рассматривать терроризм как социальные отношения, то частью структуры, необходимой для любого последовательного понимания терроризма, являются именно отношения между современным государством и теми насильственными реакциями на него, которые возникают как необходимое следствие конкретных политических ситуаций. Более того, можно утверждать, что терроризм возникает только тогда, когда действующие лица настолько лишаются их индивидуальная идентичность заключается в том, что вся их личность и образ жизни подчинены групповому или структурному контексту [Афанасьев, с.16].

Таким образом, действия, совершаемые террористами, преследуются не ради личной выгоды и личных мотивов, а скорее для достижения коллективных целей группы или организации. Во многих отношениях терроризм – это окончательное подчинение индивида идентичности более крупных социальных форм. Другой проблемной проблемой исследований терроризма является почти полное отсутствие исторической осведомленности. Акцент на современном терроризме игнорирует важный исторический контекст, который привел к развитию современных форм и может привести к смешению терроризма с исламским терроризмом, как если бы это был единственный вид терроризма. Учитывая террористские события и последующую войну с ней, озабоченность терроризмом понятна, но не менее прискорбна, если рассматривать ее в неисторическом ключе. У всех социальных процессов есть история, которая отчасти определяет сам процесс. Социальные объекты – это не столько «вещи», сколько «продукты в процессе производства», и их нельзя понять вне их исторического контекста. Исторически терроризм всегда был частью политического ландшафта, и понимание развития государства объясняет почему. Конечно, сам масштаб

разрушений, должен вызывать у нас беспокойство, но государствам и их населению всегда приходилось сталкиваться с этим явлением, и сомнительно, что какая-либо война с террором когда-либо сможет его искоренить и историческое мышление о терроризме позволяет нам рассматривать его в перспективе.

История политического терроризма в последние десятилетия Российской империи – это история истоков массового терроризма в современном мире. Эти факторы по-прежнему актуальны сегодня для правительств и обществ, вовлеченных в войну с терроризмом, которая началась после террористических актов в Соединенных Штатах 11 сентября 2001 года. Огромные масштабы терроризма, разнообразие его практиков, сторонников и противников, а также долговечность терроризма в России заслуживают тщательного изучения. Эпоха терроризма начинается 4 апреля 1866 года с покушения на царя Александра II Дмитрием Каракозовым, членом организации радикальной группы, и заканчивается 24 сентября 1911 года убийством премьер-министра Петра Столыпина Дмитрием Богровым, анархистом и двойным агентом Департамента полиции. Терроризм произошел во время правления трех последних российских царей – Александра II (1855-1881), Александра III (1881-1894) и Николая II (1894-1917). Убийство Александра II 1 марта 1881 года членами народнической революционной организации "Народная воля" стало самым впечатляющим террористическим актом российской эпохи терроризма. Последним крупным политическим убийством в дореволюционной России было убийство Григория Распутина 17 декабря 1916 года князем Феликсом Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем, В. М. Пуришкевичем, основателем Союза русского народа, и некоторыми другими. Убийство Распутина было попыткой некоторых членов императорской семьи и крайне правых политиков спасти династию от свержения в результате революции или дворцового переворота и не имело никакого отношения к организованному терроризму.

Политический терроризм в России прошел через три отчетливых периода с огромными элементами преемственности в тактике и целях. Это еще одно явление, требующее интенсивного изучения. Хотя существует множество монографий и исследований о различных периодах терроризма, насколько известно, до сих пор нет всеобъемлющей монографии о терроризме в России в период с 1866 по 1911 год. Первые мировые соглашения, касающиеся противодействия терроризму, явились результатом организации и проведения всемирных конгрессов систематизации уголовного права в 20-х и 30-х годах XX века. Государства-участники с учетом полученных соглашений в будущем стали унифицировать локальное законодательство по противодействию преступности, в том числе и терроризму [Овчинский, с.3-11].

Предварительный этап с 1866 по 1869 год включал два террористических акта, совершенных Организацией, основанной Н.И. Ишутиным, двоюродным братом Дмитрия Каракозова, который пытался убить царя Александра II, и Народной расправой, основанной С. Г. Нечаевым. Нечаев и несколько других членов группы убили другого члена группы И. И. Иванов, подозреваемый в государственной измене. История народной мести послужила основой для романа Федора Достоевского «Бесы», особенно ужасающей для поколений радикалов и историков стала публикация на суде над последователями Нечаева программного документа «Катехизис революционера», автор Нечаев и, возможно, в соавторстве с анархистом Михаилом А. Бакунин. Катехизис не только призывал революционеров быть холодными и расчетливыми друг с другом, он также призывал к разделению общества, включая либералов и других социалистов, на различные категории, членов которых можно было либо убить, спровоцировать на более реакционную позицию, либо морально скомпрометировать в соответствии с потребностями революции.

Две крупные волны терроризма произошли с 1878 по 1894 год и с 1894 по 1916 год. Подавляющее большинство террористических инцидентов

произошло в период с января 1878 года по март 1881 года в первой волне и между октябрём 1905 года и сентябрём 1911 года во второй волне. Первая волна терроризма началась 24 января 1878 года, когда революционерка Вера Засулич попыталась убить генерал-губернатора Санкт-Петербурга Ф.Ф. Трепова (суд присяжных оправдал ее в марте 1878 года) и завершилась убийством царя Александра II 1 марта 1881 года. Народная воля и группы, действующие от ее имени, доминировали в терроризме в 1879-1894 годах. Несмотря на то, что Исполнительный комитет организации был уничтожен к 1883 году, многие радикалы вплоть до 1894 года называли себя членами Народной воли и предпринимали неоднократные попытки, чтобы восстановить организацию. Этот период также характеризовался либеральной поддержкой террористов как средства заставить правительство пойти на уступки и образованием первой в России крупной правой контрреволюционной организации «Священное братство». Также важным было изменение правительством своей политики в отношении использования судебных и административных мер в борьбе со своими политическими оппонентами. Конкретные исторические условия сформировали этот первый период терроризма и оказали сильное влияние на действия и цели политических партий по всему политическому спектру, а также на политику правительства во время второй волны терроризма [Богомолов, с.23].

Самое главное, что эта первая волна терроризма задержала конституционное развитие России на 25 лет. Вторая волна терроризма совпала с правлением царя Николая II. Этот период характеризовался временем организации различных движений в конце 1890-х годов, несколькими впечатляющими убийствами в начале 1900-х годов, а затем тысячами террористических актов, совершенных левыми с октября 1905 по сентябрь 1911 года. Практически все левые партии и движения участвовали в терроризме. В их число входили партии всей империи, партии этнических меньшинств, анархисты различных направлений и неаффилированные левые. Либералы в целом поддерживали левый терроризм как средство заставить

правительство пойти на уступки и осуждали правый терроризм. Правые элементы организовали свои собственные контрреволюционные движения и совершили несколько политических убийств. Хотя консерваторы и правые осуждали левый терроризм, многие не одобряли насилие в своих собственных рядах. Левый терроризм был лишь частью крупной волны политического, социального, этнического, религиозного и криминального насилия, охватившей Российскую империю во время революции 1905 года и в последующие годы. Как и во время первой волны терроризма, политика правительства в отношении применения судебных и административных мер против своих противников претерпела значительные изменения. Самое главное, что вторая волна терроризма серьезно подорвала конституционное развитие России. Две волны терроризма в России произошли в период европейской истории, который часто называют «прекрасной эпохой» – период с 1870-х по 1914 год предполагаемого мира и стабильности. «Прекрасная эпоха» также была названа «эпохой динамита» многими историками и писателями, потому что о ряде широко разрекламированных убийств глав государств лицами-анархистами. Вклад России в «эпоху динамита» побил все рекорды в Европе. С 1850 по 1900 год в европейских странах было совершено около 40 политических убийств – в период, который считается настоящей эпидемией политического терроризма. В период с 1870 по 1900 год в России произошло 38 террористических актов левого толка, в результате которых погибло 100 человек. Левый терроризм в России достиг своего апогея с 1905-1911 год с 16 800 убитыми или ранеными в результате примерно 23 000 зарегистрированных инцидентов, в то время как общее число убитых и раненых за 1870-1917 годы составило 17 000 человек [Афанасьев, с.25].

Виды, цели, сроки и организация терроризма вызывали острые споры среди левых, начиная с 1870-х годов. Террористы практиковали политический терроризм, направленный против правительства и его сторонников, и экономический терроризм, направленный против имущих классов. Каждый вид терроризма преследовал свои собственные цели, но общая цель

политического терроризма заключалась в том, чтобы вызвать крах политической системы, в то время как экономический терроризм был направлен на разрушение социально-экономической системы. В то время как лидеры партий и движений участвовали в дебатах и формулировали многочисленные критические замечания о типах, целях, сроках и организации терроризма, эти критические замечания, как правило, игнорировались рядовыми террористами во время второй волны терроризма [Кальченко, с.41].

Во второй половину 20-х годов XX века на основе решения Первого международного конгресса по уголовному праву, прошедшего в Брюсселе в 1926 году под эгидой Международной ассоциации уголовного права, состоялись конференции на тему терроризма. Стремление мирового сообщества было направлено на формирование и утверждение правовых актов, регламентирующих направления борьбы с данным явлением.

Самая первая такая конференция состоялась в 1927 году в Варшаве, по результатам ее работы был подписан международный правовой акт, в котором были приняты попытки раскрытия термина международной преступности и сделать правовую оценку данному явлению. В акте уточнялась важность уголовного преследования и наказания виновных в совершении общественно опасных преступлений. Так, например, в соответствии со статьей 6 незамедлительному наказанию должно быть подвержено лицо, совершившее умышленное деяние, непосредственно создающее угрозу обществу. Данная позиция была основана на общепризнанных принципах международного права.

Уже в 1937 году в Женеве на созванной по инициативе Лиги Наций международной конференции были одобрены Конвенция о предупреждении преступлений политического характера, определяемых как акты политического терроризма, и об установлении наказаний за них и Конвенция о создании Международного уголовного суда. В этом же году был разработан и представлен на обсуждении Проект Конвенции по борьбе с терроризмом. Особое внимание в ней было уделено вопросам подсудности лиц,

совершивших деяния, содержащие в себе признаки международного терроризма. В статьях 1 и 2 Конвенция 1937 года формулировала понятие акта как преступного действия, подрывающего безопасность государства и ставящего своей целью устрашение определенных лиц, группы или публики. Также в качестве обязательного условия для ее участников устанавливала обязанность по криминализации деяний, направленных против жизни, телесной неприкосновенности, здоровья и свободы лиц. Было рекомендовано установить ответственность и за умышленное уничтожение или повреждение публичного имущества, принадлежащего иностранному государству. Хотя данная Конвенция была подписана 24 государствами-участницами, но была ратифицирована лишь Индией и по этой причине не вступила в силу [Богомолов, с.3-16].

Завершая анализ, данная Конвенция 1937 года сыграла важную роль в договорно-правовом сотрудничестве государств в борьбе с международным терроризмом, так как в ней решены некоторые вопросы юридической техники (понятия преступления, экстрадиции и механизмы борьбы с актами террора).

Важнейшим правовым началом, заключенным в любой конвенционный механизм антитеррористического сотрудничества, является принцип «*aut dedere aut judicare*» («либо выдай, либо суди»). Он призван обеспечить неотвратимость наказания за совершение актов терроризма и тем самым обеспечить более высокий уровень правоприменительных мер с акцентом на обязательном преследовании и наказании за посягательства террористического характера на национальном (внутригосударственном) и международном (межгосударственном) уровнях [Кальченко, с.13].

Важную роль в формировании международной правовой основы борьбы с терроризмом сыграли решения Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Так, практически каждый Конгресс по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями с 1955 г. рассматривает тот или иной аспект борьбы с международным терроризмом. Так, например, Двенадцатый Конгресс ООН по

предупреждению преступности и уголовному правосудию специально включил в повестку дня вопрос о противодействии терроризму.

Также следует отметить Международную Конвенцию по борьбе с бомбовым терроризмом от 1997 года, она устанавливает режим универсальной юрисдикции в отношении совершения ряда деяний, непосредственно сопряженных с терроризмом. Перечень таких преступлений четко определен. К ним отнесены деяния, содержащие в себе признаки незаконного и преднамеренного использования взрывных или иных смертоносных устройств. Дополнительным условием отнесения их к таковым является место общественного пользования и цель совершения акта терроризма (причинение смерти или серьезных увечий, а также приведение в негодность соответствующих общественных мест).

Важный аспект описан в Международной Конвенции 1999 года, она предписывает странам привлекать лиц, финансирующих террористическую деятельность, как к уголовной, так и к гражданской или административной ответственности. В качестве дополнительных мер рекомендовано выявлять, блокировать и арестовывать средства, предназначенные для совершения террористических актов [Нигматулин, с.3-22].

Для эффективной и действенной борьбы с терроризмом требуется, чтобы все конвенции, декларации, постановления и решения международных организаций носили не исключительно декларативный характер, как это часто происходит, а имели реальное широкое практическое применение.

1.2 РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

История политического терроризма в Российской Федерации имеет большое значение для тех, кто изучает современный терроризм и правительственные войны против терроризма. Многие тенденции в современном терроризме и борьбе с терроризмом берут свое начало в дореволюционной России. Эти тенденции включали в себя:

1. Наличие целого социального слоя – в данном случае российской социалистической интеллигенции – в качестве массовой базы для левых террористов и их сторонников. В Европе были свои богемные интеллектуалы, маргинальные элементы и заговорщики, но в России был целый социальный слой, существующий исключительно для разрушения существующего порядка.
2. Процесс радикализации определенных групп населения, пополнивших ряды радикалов. В России в эти группы входила молодежь, особенно студенты, подростки, женщины и представители этнических и религиозных меньшинств. Криминализация политических классов, особенно либералов, из-за их поддержки терроризма.
3. Ведение информационных войн террористами и их сторонниками против правительства с целью завоевания общественного мнения как в России, так и за рубежом. Революционеры и либералы утверждали, что они были борцами за свободу против деспотического правительства и что терроризм был оправдан, потому что правительство использовало террор против своих противников.
4. Использование социалистами и либералами политических процессов 1870-1880-х годов и Государственной Думы с 1906 года для защиты левого терроризма, дискредитации правительства и завоевания поддержки политических классов.

5. Использование терроризма в качестве тактики для преднамеренного провоцирования правительства на усиление репрессий и, таким образом, разжигания революции. Это была попытка воплотить в жизнь поговорку «чем хуже, тем лучше».
6. Использование терроризма в качестве превентивного удара против возможности превращения России в либеральное, конституционное европейское государство. Левые террористы обеих волн хотели перейти непосредственно от феодализма к социализму и обойти капиталистическую стадию развития, хотя партийные платформы часто признавали, что длительный период парламентской демократии необходим, прежде чем станет возможной социалистическая революция.
7. Развитие ультраправого терроризма и массовых ультраправых политических движений как ответ на левый терроризм и на социалистические и либеральные политические институты.
8. Развитие двойственного отношения консерваторов, ультраправых и других сторонников правительства в войне автократии с терроризмом. Антисоциалистические и антилиберальные элементы часто по разным причинам отказывали правительству в своей поддержке в борьбе с терроризмом.
9. Разработка государственной политики по борьбе с терроризмом и другими преступлениями против государства и его попытки мобилизовать общественное мнение против террористической угрозы. в России мобилизация общественной поддержки часто терпела неудачу, потому что автократия постоянно сохраняла недоверчивое отношение к любой общественной инициативе, даже со стороны самых лояльных элементов.
10. Массовое нарушение значительным числом населения традиционных религиозных, моральных и правовых ограничений против убийства. Это поднимает вопросы об уровне правового сознания политических классов и правительства [Короткова, с.29-35].

Сложности и последствия терроризма заслуживают всестороннего изучения, несмотря на подавляющее изобилие первоисточников и научной литературы по этому вопросу. Как в российской, так и в зарубежной историографии, начиная с начала терроризма в 1870-х годах и по настоящее время, существуют как положительные, так и отрицательные стереотипы о террористах, их сторонниках и противниках, наряду со значительными элементами мифотворчества, преднамеренным искажением фактов и интерпретаций для продвижения политических программ, а также огромными пробелами.

На протяжении всей истории движения поколений выходили за рамки национальных границ. Можно утверждать, что конец девятнадцатого и начало двадцатого века был периодом международных политических поколений, таких как Социалистический интернационал и такие фигуры, как Роза Люксембург, поддерживающие универсальные принципы. За международными поколениями последовали транснациональные поколения середины двадцатого века, сосредоточенные, например, на гражданской войне в Испании и Второй мировой войне. В то время как международные поколения общались в основном через печатные средства массовой информации, транснациональные поколения имели доступ к радио, что ускорило взаимодействие через границы и означало, что новости могли путешествовать дальше и быстрее. Важность средств массовой информации в создании глобального сознания поколений поддерживается ростом глобальной взаимозависимости через новые коммуникационные технологии, которые характеризовали эту эпоху. В этот период произошел резкий переход от механических форм коммуникации к электронным формам, что означало, что культура и знания могут передаваться по всему миру [Мирошниченко, с.33-47].

Во второй половине XX века был проведен ряд мероприятий по определению основных направлений деятельности, созданию базы для осуществления конкретных мероприятий. Не умоляя важности деятельности

ООН в предыдущие периоды по указанному вопросу, следует отметить, что именно в этот период необходимость решения вопроса, касающегося терроризма, встала наиболее остро.

Декларация и Программа действий, принятая на Всемирной конференции ООН по правам человека 25 июня 1993 г. в Вене, определила, что акты, методы и практика терроризма во всех его формах и проявлениях являются деятельностью, которая направлена на уничтожение прав, основных свобод и демократии, создает угрозу территориальной целостности и безопасности государств и дестабилизирует законные правительства [Овчинский, с.11-16].

В продолжение данных тезисов на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций принятой в 1994 году Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, в которой выражается убежденность в целесообразности более тесной координации и сотрудничества между государствами в борьбе с преступлениями, связанными с терроризмом, включая оборот наркотиков, незаконную торговлю оружием, контрабанду ядерных и других потенциально смертоносных материалов. В этом контексте государствам предлагается в срочном порядке провести обзор сферы применения существующих международно-правовых положений о предупреждении, пресечении и ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях с целью обеспечить наличие всеобъемлющих правовых рамок, включая все аспекты этого вопроса.

В свою очередь, на совещании по борьбе с терроризмом в Париже 30 июля в 1996 году министры стран «большой восьмерки» приняли итоговый документ, в котором заявили о своей решимости уделять первостепенное внимание борьбе с терроризмом, сделали обзор новых тенденций развития терроризма в мире. Участники форума представили на итоговой пресс-конференции согласованный ими список из 25 мер по борьбе с терроризмом, значительная часть которых касается национальной компетенции государств. Одна из рекомендаций относится к «улучшению взаимодействия между

отдельными органами и ведомствами, которые занимаются различными аспектами данной проблемы». Речь идет также об улучшении подготовки квалифицированных специалистов по антитеррористическим действиям, в том числе для «предотвращения терроризма с использованием радиоактивных, химических, биологических и отравляющих веществ».

Существенным дополнением в развитии теоретических и практических подходов к решению проблем терроризма явились региональные соглашения. Например, Европейская Конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г., Арабская конвенция о пресечении терроризма от 22 апреля 1998 г., Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанная 15 июня 2001 г., двусторонние соглашения, а также декларации Генеральной Ассамблеи ООН (например, Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994 г. и др.) [Дегтярева, Будаева, с.3-11].

Национальное законодательство должно создавать предпосылки для эффективного международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, которое на сегодняшний день в целом сводится к оказанию юридической помощи в обеспечении информацией и свидетелями, признанию приговоров иностранных судебных органов, взаимной передаче судебных дел и заключенных, соблюдению специальных договоров о сотрудничестве в судопроизводстве и проведению специальных контртеррористических операций. Большинство международных конвенций содержат положения о выдаче преступников и юридической взаимопомощи. Большая часть стран мира признает и выполняет подобные условия.

Одним из приоритетных направлений антитеррористической деятельности является выработка международно-правовых норм. На данный момент под эгидой Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений разработано 16 международных соглашений (11 конвенций и 5 протоколов), направленных на борьбу с терроризмом и открытых для участия всех государств мира [Афанасьев, с.7].

Помимо разработки международных Конвенций, ООН большое внимание уделяют работе по определению стратегических направлений и принципов борьбы с терроризмом. Так, в 1994 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята Декларация о мерах по ликвидации терроризма. В данном документе содержится призыв для всех государств мира делать все возможное для предотвращения и ликвидации последствий террористических актов, а также обобщаются некоторые положения различных международно-правовых актов, посвященных данной проблематике [Богомолов, с.6-19].

Таким образом, в настоящее время международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом осуществляется в рамках выработки единых норм международного законодательства и приведения их в соответствие с нормами национальных законодательств, и в рамках координации своих усилий и инициатив в различных международных антитеррористических организациях, как на глобальном, так и на региональном уровне. Каркас системы борьбы с терроризмом сформирован, далее необходимо обеспечение эффективности функционирования существующих международно-правовых норм и международных организаций [Меркурьев, с.21-45].

1.3. КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ, ПРОИЗОШЕДШИЕ В СОВРЕМЕННОСТИ

В этой главе предпринята попытка проанализировать последние изменения в практике международного разведывательного сотрудничества. Ускорение международного сотрудничества часто называют самым важным изменением в области разведки и безопасности за последние десять лет. Прежде всего, в этой главе предпринята попытка дать широкое объяснение этому развитию событий, утверждая, что это расширение международного сотрудничества в области разведки является движимый не только конкретными событиями, но и более широким феноменом глобализации. Во-вторых, далее предполагается, что меняющийся характер угроз безопасности за более чем два десятилетия потребовал более широких моделей обмена информацией, которые не соответствуют традиционной разведывательной практике, которая рекомендует проявлять осторожность при обмене конфиденциальными данными [Кальченко, с.41]. В-третьих, обсуждаются конкретные события в области сотрудничества разведывательных служб с акцентом на последнее десятилетие и примерами, в основном, из Европы и Северная Америка. Наконец, предлагаются некоторые краткие соображения о проблемах надзора и международного сотрудничества в области разведки. В то время как основной темой этой главы является сотрудничество между иностранными разведывательными организациями, глобальный характер текущих проблем безопасности, и особенно пронизываемый характер внутреннего/ внешнего разделения, означает, что нам, возможно, также придется говорить о международном мире сотрудничества между внутренними организациями безопасности. Действительно, в сотрудничестве разведывательных служб больше не доминируют гражданские службы внешней разведки, сюда также входят полиция, военные и приватизированные структуры. Это все более сложный и многолюдный мир. Международное

сотрудничество в борьбе с терроризмом сталкивается со всевозможными препятствиями, от геостратегического соперничества до повсеместных двойных стандартов и влияния современной внутренней политики. Однако одно из наиболее фундаментальных осложнений на глобальном уровне отражает объективную реальность и проистекает из серьезного разрыва в моделях глобального терроризма. В XXI веке борьба с терроризмом остается одной из актуальнейших проблем, решение которой требует усилий всего мирового сообщества, мобилизации всех созданных механизмов [Ображивеа, с.21]. Наиболее эффективный из них – договорно-правовой, который предусматривает активное правотворчество международных организаций.

Сегодня одним из ключевых документов, принятых государствами под эгидой ООН, является Глобальная контртеррористическая стратегия 2006 г. Стратегия представляет собой план действий по устранению условий, способствующих распространению терроризма и борьбе с ним. Она призывает государства присоединиться к существующим международным конвенциям и протоколам против терроризма и приложить все усилия для согласования и заключения всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. Конкретно, эти концепции могут быть преобразованы в инфраструктуру этики или национальную систему добросовестности, состоящую из взаимодополняющих законодательных стандартов, институциональных структур и административных процедур, которые гарантируют, что государственные служащие будут ставить интересы общества выше своих собственных. Организация экономического Концепции инфраструктуры этики сотрудничества и развития (ОЭСР) представляет собой набор правил, институтов и практик, которые существуют для руководства, управления и обеспечения надлежащего поведения в государственном секторе. Он состоит из взаимно усиленных функций и элементов для достижения необходимой согласованности и синергии для поддержания среды, способствующей высоким стандартам поведения. Концепция национальной системы добропорядочности Transparency International (TI) описывает ключевые

институты, являющиеся неотъемлемой частью борьбы с коррупцией. Девять «столпов» системы включают исполнительную власть, гражданское общество, частный сектор, сторонников реформ, судебную систему, правоохранительные органы, средства массовой информации, надзорные органы и парламент. Они затрагивают три сферы: верховенство закона, устойчивое развитие и качество жизни [Кальченко, с.55]. В более ближайшем будущем эти принципы могут привести к улучшению жизни бедных и уязвимых слоев населения. Затем может способствовать ежедневным действиям по достижению согласованных на международном уровне целей, таких как решения крупных конференций и саммитов ООН, включая цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия (ЦРТ). Ориентированный на обслуживание государственный сектор, имеющий основополагающее значение для достижения ЦРТ, зависит от добросовестности, прозрачности и подотчетность государственных учреждений.

Организация Объединенных Наций (ООН) предлагает уникальную точку зрения, с которой можно наблюдать за развитием событий в сфере государственного управления по всему миру. Консенсус его членов относительно состояния и направлений государственного управления устанавливает международные нормы. Международное сотрудничество между многими из 191 государства-члена позволяет Секретариату держать руку на пульсе событий во всем мире. Концепции добросовестности, прозрачности и подотчетности были определены странами ООН, коллективно и индивидуально, как часть из основополагающих принципов государственного управления [Лузянин, с.104]. Как таковые, эти принципы должны поддерживаться и соблюдаться руководством Системы ООН и во всех странах-членах. В государственном управлении добросовестность относится к «честности» или «надежности» при исполнении служебных обязанностей, выступая в качестве антитезы «коррупции» или «злоупотреблению служебным положением». Прозрачность означает беспрепятственный доступ

общественности к своевременной и достоверной информации о решениях и результатах деятельности в государственном секторе. Подотчетность относится к обязательству по обязанности государственных должностных лиц отчитываться об использовании государственных ресурсов и ответственности за невыполнение заявленных целей в области эффективности [Герасимов, с.17-25].

Серьезным вкладом в борьбу с авиационным терроризмом явилось расширение перечня видов преступлений, направленных против безопасности гражданской авиации, которое получило закрепление в Пекинской конвенции. Важно отметить, что большинство деяний, рассматриваемых в качестве преступлений по Пекинской конвенции, связаны либо с причинением ущерба жизни, здоровью и имуществу третьих лиц, либо с нанесением ущерба окружающей среде. Данный концептуальный подход значительно отличает Пекинскую конвенцию от действующих на сегодняшний день международных документов, направленных на обеспечение безопасности гражданской авиации. 16 июня 2009 году в городе Екатеринбурге была принята Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, которая стала этапным международным антитеррористическим документом. Она учла все изменения, произошедшие в предыдущие годы в содержании терроризма, масштабах и характере террористических актов [Будаева, с.8-16].

Для того чтобы своевременно реагировать на потенциальные угрозы терроризма, предотвращать появление любых террористических представлений, нам необходима развернутая стратегия противодействия терроризму на глобальном и региональном уровне. Аспекты, которые являются основными в борьбе с глобальными тенденциями международной преступности и терроризма.

Во-первых, глубокий и всесторонний анализ причин возникновения и социальных параметров современного терроризма. То есть необходимо признать, что если предпосылками возникновения терроризма являются социальное неравенство, поляризация взглядов, отсутствие

профессиональных и социальных перспектив и т.д., то надо смягчить действие этих причин. Нужны глобальные, региональные и государственные программы борьбы с терроризмом и преступностью транснационального характера.

Во-вторых, необходимы единые унифицированные критерии идентификации общественно опасных деяний, которые на национальном или международном уровне признаются террористическими, основных признаков терроризма. Это будет способствовать исключению двойных стандартов в правовой оценке действий террористов, выработке общих подходов к их оценке не только на уровне государств, но и на уровне международных организаций. Поэтому жизненно необходимо проведение на международном уровне сравнительных исследований национального законодательства по борьбе с терроризмом, с целью выработки рекомендаций по их унификации и единых подходов по формированию оптимальной основы противодействия терроризму [Нигматулин, с.21].

В-третьих, необходима разработка своеобразного свода принципов и правил поведения государств в борьбе с международным терроризмом, взаимопомощи в конкретных ситуациях, международно-правовых основ проведения международных антитеррористических операций и контроль за их ходом, обмен опытом деятельности антитеррористических подразделений. Для выработки оптимального алгоритма и механизмов кризисного реагирования на масштабные проявления международного терроризма необходимо проводить совместные командно-штабные и оперативно-тактические антитеррористические учения, оперативно-профилактические мероприятия и специальные операции по предупреждению и пресечению международных террористических организаций на региональном уровне стран, которые проявляют действительную заботу о предотвращении террористических актов. В-четвертых, крайне важно перекрытие каналов финансирования террористических и экстремистских организаций, пресечение его подпитки за счёт незаконного оборота наркотиков, отмывания

«грязных» денег и торговли оружием, подрыв их экономических основ. По мнению экспертов, сегодня это одна из наиболее сложных проблем. Причин такого положения много. Среди них разветвленная отработанная система передвижения денег, с использованием довольно сложных схем и способов перевода денег организациям и лицам, занимающимся террористической и экстремистской деятельностью, смешение легитимных и скрытых каналов финансирования, ненадлежащее взаимодействие между заинтересованными ведомствами, отсутствие соответствующего опыта у правоохранительных, контролирующих финансовых органов, недостаточный уровень международного сотрудничества в этом направлении [Патрушев, с.7-15].

В современном международном праве разработано множество международных конвенций универсального и регионального характера, в рамках которых на основе ряда критериев определяется предмет правового регулирования – сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом [Ильин, с.22].

ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

2.1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА, КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

На этом фоне в отсутствие всеобъемлющей стратегии в течение длительного времени интерес международного сообщества к определению механизмов сотрудничества, направленных на совершенствование подавления терроризма, породил лишь выборочные и случайные вмешательства (так называемый поэтапный подход). Это особенно очевидно на универсальном уровне: ООН и некоторые специализированные или связанные с ней учреждения приняли ряд конвенций, касающихся конкретных аспектов этого феномена. В юридической литературе нелегко найти однозначную трактовку такой темы. Значительное число комментаторов подчеркивают необходимость установления связи между преступниками и правительством или, по крайней мере, повстанческим движением или территориальным органом, действующим как фактор, повышающий тяжесть материального поведения и тем самым вызывающий озабоченность международного сообщества. Другие авторы идут еще дальше, указывая на то, что ассоциативный элемент и его неотъемлемо отягчающее действие могут в итоге удовлетворяться «чисто» частными преступными организациями, не находя, таким образом, достаточных оснований для различения тяжести моделей поведения, направленных «территориальными» образованиями или частными группами, учитывая приобретенный последними статус, способность нарушать основные человеческие ценности [Короткова, с.11-15].

В качестве отправной точки я разделяю мнение о том, что поиск единого или всеобъемлющего понятия терроризма в терминах уголовного права постоянно рискует быть неполным или слишком продвинутым из-за различных базовых политических выборов. Проблема международного

реагирования на терроризм заключается в том, что, как отмечалось выше, при обсуждении стадии, достигнутой работами над проектом Всеобъемлющей конвенции ООН, государства долгое время спорили о точном объеме понятия.

16 июня 2001 года была принята конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, принятая в Российской Федерации в октябре 2010 года, где дается определение близкое к определению в ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 №35-ФЗ. Согласно ст.3 п.1 ФЗ «О противодействии терроризму» определение терроризму используется в таком формате: терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Европейская конвенция о пресечении терроризма подписана и открыта для ратификации 27 января 1977 года в Страсбурге государствами-членами Совета Европы. Вступила в силу для 26 стран-участниц СЕ 4 августа 1978 года. Конвенция действует в 31 стране под эгидой Совета Европы. Россия является участницей Конвенции. 7 мая 1999 года Конвенция подписана в Будапеште представителем Российской Федерации. По Европейской конвенции ст.1 п. с,d,e терроризмом можно считать серьезное преступление, связанное с покушением на жизнь, физическую неприкосновенность или свободу лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов, преступление, связанное с похищением, захватом заложников или серьезным незаконным насильственным удержанием людей, а также преступление, связанное с применением бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или взрывных устройств, вложенных в письма или посылки, если подобное применение создает опасность для людей [Ивакин, с.41-55].

В соответствии с основным смыслом, который здесь отстаивается, терроризм становится абсолютным понятием, которое больше не связано с сохранением государственной системы (и ее руководящих органов), а

фокусируется на обеспечении защиты невинных людей и интересов жертв, а также на человеческих ценностях, которые воплощают эти субъекты.

Действительно, в прошлом некоторые признаки, свидетельствующие об особом внимании, уделяемом интересам отдельных лиц, несмотря на то, что приоритет отдается интересам государств в их собственном самосохранении и безопасности, уже появлялись, но лишь вспомогательным образом, как в Европейской конвенции о терроризме 1977 года или в Конвенции ООН о заложниках 1979 года.⁹⁰ Что касается более поздней практики, то Декларация Генеральной Ассамблеи ООН 1994 года о мерах по ликвидации международного терроризма и Конвенция ООН о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года могут считаться значительными шагами вперед [Кальченко, с.41].

Позже Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 года идет еще дальше, прямо затрагивая политический элемент цели принуждения некоторых государственных органов к тому, чтобы что-то делать или не делать. Фактически, в соответствии со статьей 2 она применима к поведению, которое может привести к смерти или серьезно нарушить физическую неприкосновенность гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, каждый раз, когда целью такого деяния является его природа или контекст заключается в запугивании населения или заставить правительство или международную организацию осуществлять или воздерживаться от осуществления определенной деятельности. В последней упомянутой Конвенции излагаются некоторые очень интересные аспекты: применение серьезного насилия в отношении гражданских лиц, в зависимости от его особенностей, может быть равносильно терроризму само по себе, без политического элемента намерения принудить государственные органы или осуществления политического плана, являющегося необходимым условием, поскольку преступление может быть осуществлено исключительно на основе конкретного намерения распространять террор. Однако картина не вполне

удовлетворительна, поскольку политический элемент все еще рассматривается как альтернатива (*dolus specialis*) и жертвы также могут быть государственными агентами, так как они не принимают активного участия в вооруженном конфликте. Проект Всеобъемлющей конвенции ООН и недавние региональные документы также уделяют особое внимание гарантированию безопасности гражданского населения, оставляя место для выявления аспекта террористической преступности, который не связан с политическими планами или с нанесением ущерба стабильности политических институтов [Вознеков, с.11-25].

Например, в Декларации, прилагаемой к резолюции 1456 СБ, единогласно принятой 20 января 2003 года, прямо подтверждается, что акты терроризма «должны быть безоговорочно осуждены, особенно когда они без разбора направлены против гражданских лиц или наносят им ранения». Позднее в резолюции 1566 от 8 октября 2004 года был вновь сделан акцент на неприемлемости террористического насилия, направленного против гражданских лиц. Примечателен также импульс, приданный процессом ратификации Конвенции ООН о финансировании 1999 года, а также последовательная линия осуждения, выраженная исламскими странами, чья позиция в отношении терроризма иногда представляет некоторые различия или двусмысленность в отношении недавних террористических актов, направленных против гражданских лиц в различных странах. Доклад Группы высокого уровня, назначенной Генеральным секретарем ООН для анализа проблемных вопросов и предложения решений последующий доклад, принятый Генеральным секретарем, и резолюция ГА по итогам Всемирного саммита 2005 года все идут в одном направлении. Тем не менее верно и то, что позиции, напоминающие хорошо известные споры, вновь возникли в эпоху после 11 сентября [Булавин, с.89].

На национальном уровне труднее найти полезные подсказки из-за того, что нормативные и политические меры реагирования в основном разрабатываются для борьбы с конкретными и местными формами

терроризма, обычно направленными против соответствующей системы управления, и адаптации существующих рамок к новым чрезвычайным ситуациям. Однако некоторые данные подтверждают возможность выделения определения, ориентированного в большей степени на жертвы и гражданское население, чем на политические цели авторов. После 11 сентября, хотя некоторые государства изменили свое законодательство, чтобы сохранить центральную роль политического элемента, другие внесли новые положения, содержащие или подтверждающие общее определение терроризма, содержание которых представляет те же самые черты, выделенные выше, например сосуществование различных версий террористической деятельности, одна из которых ориентирована на климат распространения террора среди коллектива, другая политически мотивирована. Следует отметить, что точное определение террористической цели обычно отсутствует в законодательных положениях. Несмотря на это, не представляется опасным утверждать, что национальное законодательство, хотя и не является однородным, отражает общую готовность принять значение терроризма, которое может быть связано с ключевым гуманитарным понятием: государств, которые все еще квалифицируют политический элемент в качестве предварительного конститутивного элемента, немного, в то время как подавляющее большинство подчеркивает атмосфера террора распространилась среди широкой общественности, по крайней мере, как конститутивный элемент, альтернативный политической цели [Кальченко, с.41].

Прецедентное право предлагает дополнительные и, на мой взгляд, решающие указания. Некоторые решения государственных судов свидетельствуют о готовности выделить в различных контекстах, в которых судьи могут осуществлять соответствующие дискреционные полномочия из-за циркулярности или расплывчатости правовых положений (закон об экстрадиции, иммиграционное и беженское право, само уголовное право),

своего рода минимальное определение терроризма, которое, как считается, быть универсально разделяемым цивилизованными нациями.

В делах об экстрадиции членов предполагаемых террористических организаций (таких как Организация Абу Нидаля и тогдашняя ООП) в применении политического преступления было отказано на том основании, что неизбирательные нападения на гражданское население никогда не могут быть квалифицированы как политические преступления, даже если они могут быть совершены для достижения политической цели. Аналогичным образом, Высокий суд Ирландии признал экстрадицию трех членов ИРА, осужденных в Великобритании за планирование убийства политических деятелей и военнослужащих с использованием методов, предполагающих неизбирательную смерть и серьезные ранения людей, не связанных или связанных с политикой или военными вопросами.

Такой подход находит подтверждение в латиноамериканском прецедентном праве. В решении по делу Каучи. Верховный суд Аргентины отклонил просьбу об экстрадиции итальянского гражданина, осужденного в Италии за террористические преступления, основав свое решение на том факте, что осуждение было вынесено заочно. Однако на карту поставлен еще один вопрос, а именно, могут ли террористические преступления, предположительно совершенные Каучи, извлечь выгоду из исключения политического преступления [Борьба с идеологией насилия, с.4-15].

Аналогичной аргументации последовал Верховный суд Венесуэлы, который решительно подчеркнул, что «неизбирательный терроризм», состоящий из серьезных насильственных актов, направленных против невинных людей и характеризующийся варварскими методами или зверской бесчеловечностью, не может извлечь выгоду из исключения политического преступления из механизмов выдачи на том основании, что его объективная тяжесть преобладает над тем, что лежит в основе цель, и добавил, что такой терроризм представляет собой международное преступление против права наций. В иммиграционном деле Верховный суд Канады, столкнувшись с

необходимостью решить, является ли понятие терроризма, упомянутое в Законе об иммиграции, но не определенное в нем или в других законодательных актах в соответствующее время, конституционным, т.е. Не чрезмерно расплывчатым, сослался на оговоренное определение, содержащееся в Конвенции ООН о борьбе с терроризмом 1999 года. Финансирование терроризма, прямо заявляющее, что такое определение улавливает суть того, что мир понимает под «терроризмом», то есть нацеленностью на невинных гражданских лиц.

Наконец, когда некоторым национальным судьям было предложено применять законодательные положения, касающиеся террористических преступлений, определение которых не было четко определено, они предпочли истолковать строгое понятие, ограниченное актами, которые наносят ущерб невинным гражданам таким образом, чтобы посеять панику среди населения. Как мы видим, национальное прецедентное право, хотя и исходит из различных субъектов и правовых положений (уголовное право, экстрадиция, иммиграция, убежище), показывает, что минимальное и универсально разделяемое понятие терроризма может быть истолковано и сводится к тому, что я назвал «основным терроризмом». Более того, такая прецедентная практика не только лишает достоинства политическую цель считать ее конститутивным элементом, но и идет еще дальше, отказываясь придавать ей какое-либо материальное значение. Таким образом, прямо или косвенно используются формулировки, напоминающие о международных преступлениях [Омарова, Патрушев с.55].

2.2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

«Группа восьми» играет важную роль в сфере определения основных направлений борьбы с терроризмом, и она играет важную роль в определении основных направлений борьбы с терроризмом. Основным документом Группы восьми в этой области является «Заявление на высшем уровне Группы восьми по борьбе с терроризмом», принятое в Санкт-Петербурге в 2006 году [Рахманов, с.77].

Были выделены приоритетные области, такие как совершенствование и обеспечение соблюдения международного и национального законодательства для борьбы активации процесса терроризма, предотвращение террористических атак на энергетику и ядерную энергетику и усилия по борьбе с финансированием терроризма и развитие продуктивного диалога с гражданским обществом. Одной из основных тем борьбы с терроризмом на данный момент является ИНТЕРПОЛ – международная организация уголовной полиции, членами которой являются 187 государств. Антитеррористическая деятельность также является одним из приоритетов в общем в СНГ [Интерпол против терроризма, с.14]. Для предотвращения терроризма в СНГ он был создан решением Совета глав государств-членов СНГ от 21 июня 2000 года Центр по борьбе с терроризмом (АТЦ СНГ). АТЦ является постоянным специализированным учреждением Содружества Независимых государств и предназначен для обеспечения координации и взаимодействия компетентных органов государств-членов СНГ в области борьбы с международным терроризмом и другими проявлениями экстремизма. Что касается Европейского Союза, существуют следующие антитеррористические органы:

1. координатор по борьбе с терроризмом – Жиль де Кершов;

2. единая Европейская полиция (Европол), а именно департамент по борьбе с серьезными преступлениями и управление по борьбе с терроризмом;
3. специальная комиссия по борьбе с терроризмом Совета Европы;
4. комитет экспертов по борьбе с терроризмом Совета Европы CODEXTER.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества борьба с терроризмом ведется региональной антитеррористической структурой (RATS). Основные задачи данного агентства являются координация усилий всех Государств-членов ШОС для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, разработка предложений по борьбе с терроризмом, сбор и анализ информации, создание базы данных людей и организации, которые поддерживают преступников, помощь в подготовке и реализации мер по борьбе с терроризмом, сбор и анализ и других мероприятий. По просьбе главы Исполнительного комитета Совета РАТС ШОС Д. Джуманбекова, «приоритетными направлениями деятельности Шанхайской организации сотрудничества для нашей структуры были и остаются вопросы поддержания и укрепления мира, обеспечения безопасности и стабильности в регионе, в первую очередь, путем организации совместного противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму, как мы говорим – против «трех зол».

Таким образом, международное сотрудничество в борьбе с терроризмом осуществляется в рамках разработки единых норм международного законодательства и его применения в соответствии с нормами национального законодательства и в рамках координации их усилий и инициатив в различных международных организациях по борьбе с терроризмом, как на глобальном, так и на региональном уровнях. Создана основа для антитеррористической системы, кроме того, необходимо обеспечить эффективное функционирование существующих международно-правовых норм и международных антитеррористических стандартов. Организация [Ильин, с.10]. Эффективная и действенная борьба с терроризмом требует, чтобы все

конвенции, декларации, постановления и решения международных организаций, и они носили не исключительно декларативный характер, как это часто бывает, а имели очень широкое практическое применение [Рахманов, с.77].

2.3. РОЛЬ ИНСТИТУТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Одной из фундаментальных проблем, с которыми сталкивается международное сообщество в борьбе с терроризмом, является трудность выработки согласованного определения терроризма. В литературе предлагаются сотни определений терроризма. Некоторые сосредотачиваются на преступниках, другие – на их целях, а третьи – на их методах. Следовательно, хотя существует ряд конкретных договоров, запрещающих действия такого рода, которые, как правило, должны быть признанным террористическим, нет конкретного определения, на основе которого можно было бы разработать независимый «антитеррористический» договор или конвенцию [Рахманов, с.13-15]. По сути, международное сообщество сосредоточило свои усилия на запрещении конкретных актов терроризма, фактически приняв множество различных функциональных определений терроризма. Поступая таким образом, ООН создала ситуацию, когда не существует общего определения терроризма, и вместо этого стремилась полагаться на перечень различных актов, которые считаются террористическими вместо того, чтобы правильно определять этот термин. Конечно, эти различные определения, изложенные в различных конвенциях и договорах о борьбе с терроризмом, просто определяют терроризм в отдельных контекстах и для целей конкретного договора или конвенции и не дают конкретного определения, в рамках которого можно было бы оценивать и определять все террористические акты. Признавая отсутствие эффективного определения терроризма, можно утверждать, что отсутствие всеобъемлющего международно-правового режима для борьбы с терроризмом является результатом существования «большая неопределенность и разногласия среди юристов и других специалистов относительно роли и эффективности закона и правовых систем в борьбе с террористами».

21-й век стал свидетелем заметного увеличения числа несостоятельных и несостоятельных государств и столь же значительного увеличения числа актов внутреннего и международного терроризма. Задача в настоящее время состоит в том, чтобы международное сообщество наций приняло общий подход к рассмотрению терроризма как международного преступления. В этой работе утверждается, что терроризм является международным преступлением и как таковой требует от международного сообщества принятия мер по предотвращению терроризма и наказанию лиц, совершающих террористические акты. В этом отношении события 11 сентября 2001 года предоставили интернационалистическим силам возможность выйти на передний план глобальной политической повестки дня. В условиях, когда международная война с терроризмом, по-видимому, санкционируется Организацией Объединенных Наций, настало время, чтобы преступление терроризма – как акт неправительственной организации – стало частью всеобщей ответственности государств, а эта ответственность была дополнительно делегирована международному учреждению, такому как Международный уголовный суд для судебного преследования и последующая санкция [Румянцев, с.45-77].

По сути, конвенции, принятые Организацией Объединенных Наций в отношении терроризма, предусматривают обязательство каждой стороны конвенций обеспечивать, чтобы лица, предположительно совершившие акты терроризма, привлекались к ответственности за это поведение в суде. Можно утверждать, что обязательство по судебное преследование или выдача являются обязательными для всех государств, а не только для тех, которые стали государствами – участниками конвенции, учитывая общее признание международным сообществом положений этих конвенций. Кроме того, само международное право налагает на все государства позитивную обязанность соблюдать международное право. В случае терроризма эта обязанность требует от государств либо судебного преследования, либо выдачи и запрещает государствам предпринимать какие-либо действия против

отдельного лица или группы лиц, предположительно нарушивших международное право. Однако в отсутствие международного судебного учреждения, которое могло бы осуществлять судебное преследование предполагаемых террористов, отдельным государствам во многих случаях не хватало стимула для судебного преследования обвиняемых террористов на национальном уровне или для выдачи другому национальному государству. Обязательство осуществлять судебное преследование, возложенное на государства, не было полностью неэффективным. После первых заявлений ООН о борьбе с терроризмом в 1960-х и 1970-х годах некоторые страны начали более энергично преследовать подозреваемых в терроризме. Однако в отсутствие международного консенсуса относительно того, как привлечь террористов к ответственности, стимул для таких усилий быстро иссяк. В таких обстоятельствах неудивительно, что сдерживающее воздействие на террористов было незначительным, если вообще имело какое-либо значение. Во всяком случае, неспособность надлежащим образом привлечь предполагаемых террористов к судебной ответственности ослабила усилия на национальном и международном уровнях по созданию согласованного международного судебного учреждения, в рамках которого можно было бы бороться с террористами. Послание, направленное террористам, было ясным: продолжайте свою деятельность, поскольку существует небольшой риск санкций, которые заставят вас рассмотреть другие средства достижения ваших политических целей. В конечном счете случаи терроризма участились на протяжении 1970-х годов и по настоящее время, когда террористы становятся все более изощренными и способными совершать более масштабные и разрушительные акты насилия. В качестве конкретного ответа на растущее распространение терроризма по всему миру Генеральная ассамблея ООН в 1997 году приняла конвенцию, объявляющую универсальную юрисдикцию в отношении незаконного и преднамеренного использования взрывчатых веществ в общественных местах. Известная как международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, за этой конвенцией в 1999 году последовала

международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, которая требует от государств предотвращать финансирование террористов и противодействовать ему, а также преследовать в судебном порядке лиц и организации, которые предоставляют любое такое финансирование. Посредством этой конвенции ООН объявила финансирование терроризма преступлением, а также объявила терроризм международным по своей природе и, следовательно, объектом универсальной юрисдикции [Рахманов, с.77]. Объявив терроризм объектом универсальной юрисдикции, ООН сделала заявление для всех негосударственных субъектов, которые прибегают к насилию как к средству обеспечения политических перемен (террористы), что террористы больше не будут подвергаться санкциям только в случае поимки в пределах территориальной юрисдикции государства, где они совершили нападение действующим. Скорее, исполнитель террористического акта будет подлежать уголовному наказанию, где бы и когда бы он ни был схвачен законными национальными властями.

Совет безопасности Европы вновь заявил, что «терроризм во всех его формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьезных угроз миру и безопасности» и далее, что «любые акты терроризма являются преступными и не имеют оправдания, независимо от их мотивации, когда бы и кем бы они ни совершались, кем бы они ни совершались и подлежат безоговорочному осуждению, особенно когда они без разбора нацелены на гражданское население или наносят ему увечья» [Бешлык, с.17].

В конечном счете, существование всеобъемлющего международного антитеррористического режима, включая судебные учреждения, может только помочь в борьбе с терроризмом и не может быть названо ни вредным, ни препятствием для этого причина. Таким образом, создание такой структуры должно быть на переднем крае повестки дня международного сообщества по борьбе с глобальным терроризмом.

2.3.1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ООН ПО НАРКОТИКАМ И ПРЕСТУПНОСТИ (ЮНОДК)

Расширение географии и рост опасности терроризма, нестабильный характер региональных и местных вооруженных конфликтов, порождающих терроризм и экстремизм, растущее участие структур транснациональной организованной преступности в проведении международной террористической деятельности, расширение масштабов незаконной деятельности торговля наркотиками и оружием представляет глобальную угрозу международному миру и безопасности. Неравенство процессов глобализации способствует повышению уровня жизни между богатыми и бедными странами, между богатыми и бедными странами в каждой стране, что приводит к увеличению протестного поведения. Отсутствие полного диалога между религиями и конфессиями, социальная несправедливость, которая сохраняется в обществах, создает благодатную почву для возникновения и обострения межэтнических, межрелигиозных и других противоречий, полных террористических и экстремистских проявлений. Сегодня терроризм превратился из локального явления в глобальное, что привело к необходимости переосмыслить введенные ценности. Основа цивилизации, а также многие проблемы, связанные с философским учением человека, социальным прогрессом, методологией его исследований, будущим человечества [Рахманов, с.60].

Основной точкой соприкосновения этого вида преступной деятельности является сверхприбыль, получаемая от операций с наркотическими средствами и психотропными веществами. В некоторых случаях эти деньги служат чуть ли не основным источником финансирования террористических организаций. Наркомания наносит большой экономический ущерб Российской Федерации в том числе. Стоимость, из-за высокой стоимости преждевременной смертности в раннем возрасте, разрушения семейных связей, снижения производительности труда, увеличения расходов на лечение,

в том числе наркоманов, расходов, связанных с системой, организацией расследований и судебных разбирательств, непосредственные потери от преступлений составляют 2,5% от ВВП и это, не считая прямого ущерба экономике в виде доносов о наркотиках на черном рынке и их влияния на легальные предприятия.

Автором термина «наркотерроризм» считается президент Боливии Белаунде Терри, который поддерживал производителей и торговцев наркотиками. О масштабах наркоугрозы свидетельствует тот факт, что за последнее десятилетие мировое производство опиоидов удвоилось. Однако проблема заключается в том, что география распространения наркотиков вышла за пределы региональных границ. Преступные доходы от экономических преступлений, похищений людей, незаконной миграции, операций с оружием и наркотиками также приносят пользу террористическим организациям. И здесь есть своя особенность. Организованная преступность, основной целью которой является получение прибыли, делится своей прибылью с террористами только при определенных условиях, то есть, когда квалифицированный террорист «платит дань» групповым преступникам. Такая ситуация характерна для кавказских этнических групп. В то же время известны факты финансирования лидерами преступного мира Инициативы терактов, направленных на дестабилизацию ситуации в гражданском обществе и работы государственных структур. Целью этих действий является создание благоприятных условий для реализации эгоистичных планов. Это далеко не исчерпывающий перечень способов, с помощью которых террористы получают средства, стимулирующие их деятельность [Нигматуллин, с.20].

Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (ЮНОДК) и Организации Объединенных Наций по контролю над наркотиками программа является важным фактором в осуществлении международной политики в области наркотиков и поднимает ключевые вопросы политики и вопросы о влиянии конкретных стран на осуществление

политики в области наркотиков. Роль Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН), в частности, заключается в оказании поддержки всем своим государствам-членам, особенно странам с низким и средним уровнем дохода (СНМРС), в выполнении их обязательств по ликвидации или значительному сокращению немедицинского употребления контролируемых веществ. Комиссия по наркотическим средствам (КНС) является руководящим органом ЮНОДК и служит директивным органом, который официально обсуждает и согласовывает повестку дня глобальной политики в области наркотиков. Резолюции и решения, принятые представителями государств-членов по КНС, служат руководством для решения проблемы наркотиков для всех государств-членов и ЮНОДК. Хотя эти резолюции принимаются консенсусом, они не имеют обязательной силы, а лишь направляют государства-члены и обеспечивают нормативную основу для их действий [Рахманов, с.77].

Комиссия по наркотическим средствам (КНС) была учреждена резолюцией 9(1) Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) в 1946 году с целью оказания содействия ЭКОСОС в надзоре за применением международных договоров о контроле над наркотиками. В 1991 году Генеральная Ассамблея (ГА) расширила мандат КНС, с тем чтобы обеспечить ей возможность функционировать в качестве руководящего органа УНП ООН. В резолюции 1999/30 ЭКОСОС было предписано, чтобы КНС организовал свою повестку дня по двум отдельным сегментам: нормативный сегмент для выполнения договорных и нормативных функций и оперативный сегмент для осуществления функций руководящего органа УНП ООН. КНС ежегодно проводит заседания, на которых рассматривает и принимает ряд решений и резолюций. Регулярно созываются межсессионные совещания КНС, на которых даются директивные указания УНП ООН. В конце каждого года КНС собирается на возобновленную сессию для рассмотрения бюджетных и административных вопросов в качестве руководящего органа Программы

Организации Объединенных Наций по наркотикам [Меркурьев, Сороков, с.54-74].

УНП ООН также работает над улучшением предупреждения преступности и оказанием помощи в проведении реформы уголовного правосудия в целях укрепления верховенства права, содействия созданию стабильных и жизнеспособных систем уголовного правосудия и борьбы с растущими угрозами транснациональной организованной преступности и коррупции. В 2002 году Генеральная Ассамблея утвердила расширенную программу деятельности Сектора по предупреждению терроризма УНП ООН. Деятельность направлена на оказание государствам, по их просьбе, помощи в ратификации и осуществлении восемнадцати универсальных правовых документов по борьбе с терроризмом.

Конвенция является юридически обязательным документом, вступившим в силу 29 сентября 2003 года, посредством которого государства-участники обязуются принять ряд мер по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Государства, ратифицировавшие конвенцию, обязаны создавать внутренние преступления для борьбы с этой проблемой, принятия новых, широких рамок для взаимной правовой помощи, выдачи, сотрудничества правоохранительных органов, технической помощи и подготовки кадров. Конвенция знаменует собой важный этап в борьбе с транснациональной преступностью признавая серьезность проблемы, которую представляет преступление, и получая понимание от государств-членов важности совместной меры. Конвенция дополняется тремя различными протоколами:

- Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее;
- Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху;

- Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему [Оражиев, с.14].

Существует три департамента по наркотикам, которые управляют программами УНП ООН по наркотикам. Это Единая конвенция «О наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными протоколом 1972 года», «Конвенцией о психотропных веществах 1971 года» и «Конвенцией Организации Объединенных Наций против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года». Эти три основных международных договора о контроле над наркотиками укрепляют и дополняют друг друга. Важной целью первых двух договоров является кодификация мер международного контроля, направленных на обеспечение доступности наркотических средств и психотропных веществ для медицинских и научных целей и предотвращение их утечки в незаконные каналы. Это также включает общие положения о торговле людьми и злоупотреблении наркотиками [Рахманов, с.77].

Ежегодный объем наркотрафика на глобальном уровне сегодня, по некоторым оценкам, достигает 600 миллиардов долларов, что составляет 3-4% от общего объема мирового товарного производства. Эта цифра превышает объем продаж оружия, что привело к появлению новых форм насилия и многочисленных специализированных преступных группировок от местных, национальных до международных групп. Накопление наркодолларов стало основной причиной финансовой и денежной нестабильности рынка. В ходе глобализации на мировой арене появляются новые независимые элементы – транснациональные структуры со своими бизнес-интересами. Эти интересы не всегда совпадают с интересами государств. С увеличением транснациональных организаций снижается роль государства – шансы контролировать внутривнутриполитическую ситуацию. Они сокращаются, теряется суверенитет национальной экономики, многие государственные функции передаются транснациональным корпорациям.

2.3.2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

Борьба с терроризмом стоит на повестке дня Организации Объединенных Наций на протяжении десятилетий. После нападения на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года Совет Безопасности единогласно принял резолюцию 1373 (2001), в которой впервые был учрежден специальный Контртеррористический комитет (КТК) Совета. КТК оказывает помощь Исполнительный директорат (ИДКТК), который осуществляет свои политические решения и проводит экспертные оценки 193 государств-членов Организации Объединенных Наций. К январю 2021 года с момента объявления ИДКТК действующим 13 лет назад было совершено более 160 визитов примерно в 100 государств-членов ООН. Существует более 20 резолюций Совета Безопасности, касающихся КТК и ИДКТК, подавляющее большинство из которых было принято за последние семь лет, что свидетельствует о сложности эволюции угрозы терроризма, что побудило Совет Безопасности принять резолюции с изложением новых мер, которые государства-члены должны предпринять в целях эффективного противодействия в связи с возникающими угрозами терроризма и иностранных боевиков-террористов мандат ИДКТК был совсем недавно продлен резолюцией 2617 (2021) Совета Безопасности, которая продлевает срок действия Специальной политической миссии до 31 декабря 2025 года. В настоящей резолюции подчеркивается, что оценки ИДКТК, а также анализ и рекомендации этих оценок являются неоценимой помощью государствам-членам в выявлении и устранении пробелов в осуществлении и потенциале, и содержится призыв к Управлению ООН по борьбе с терроризмом (ЮНОКТ), всем другим соответствующим фондам и программам Организации Объединенных Наций, государствам-членам-донорам и получателям помощи использовать эти экспертные оценки при разработке проектов технической помощи и укрепления потенциала. В резолюции далее подчеркивается

важнейшая роль ИДКТК в рамках Организации Объединенных Наций по выявлению и оценке вопросов, тенденций и событий, связанных с осуществлением всех соответствующих резолюций Совета Безопасности [Лузянин, с.83].

После 11 сентября 2001 года в академическом сообществе и в политических кругах по всему миру ведутся интенсивные дебаты как о глубине, так и о постоянстве изменений в национальной и международной политике, произошедших после нападений. Хотя большая неопределенность связана с последствиями и будущим практики превентивного вмешательства, а также с принятием компромиссов в отношении гражданских свобод в интересах национальной безопасности, одной из областей, в которой произошли значительные изменения, является финансовое перерегулирование. Ведущую и новаторскую роль, которую Организация Объединенных Наций сыграла в этом процессе, часто недооценивают. В этой главе описываются и оцениваются последствия многосторонних усилий по блокированию финансирования террористических операций, которые были предприняты под эгидой Совета Безопасности ООН и его комитетов, в частности Контртеррористического комитета (КТК) и «Комитета по санкциям 1267». До нападений 11 сентября 2001 года не было скоординированных глобальных многосторонних усилий по пресечению или ограничению финансирования террористических актов, и «существующие предписания были крайне неадекватны для решения многомерного характера проблемы. В рамках системы ООН предпринимались усилия по укреплению Международной конвенции 1999 года о борьбе с финансированием терроризма³, но они были предприняты после 25 лет либерализации финансовых рынков и финансового дерегулирования по всему миру и не имели широкой политической поддержки. Сразу же после терактов Совет Безопасности ООН принял решительные меры [Лузянин, с.45]. 12 сентября 2001 года она приняла резолюцию 1368, создающую правовую основу для дальнейших действий по борьбе с глобальным терроризмом. В резолюции

содержалась ссылка на статью 51 Устава ООН, признающую неотъемлемое право на самооборону и, по сути, узаконивающую последующие военные действия США в Афганистане против исполнителей терактов 11 сентября. С принятием Советом Безопасности ООН.

В резолюциях 1373 и 1377 Совет Безопасности выразил свое четкое намерение принять меры для блокирования доступа террористов к финансовой поддержке. Как писал посол Ямайки Кертис Уорд, «у членов Совета Безопасности не было недостатка в политической воле, и Совет достиг единодушия в отношении выбранного им курса действий». Резолюция 1373 касается главным образом блокирования или пресечения финансирования террористических групп. В нем содержится призыв к криминализации активной или пассивной поддержки террористов, к оперативному замораживанию средств, к обмену оперативной информацией между государствами – членами ООН и к предоставлению технической помощи для укрепления многостороннего сотрудничества в этой области. Эта резолюция также положила начало новаторскому процессу осуществления положений резолюций.

Одним из наиболее новаторских аспектов Резолюции 1373 является процесс представления докладов. В пункте 6 содержится призыв к государствам представлять письменные отчеты о принятых ими мерах по осуществлению резолюции, отвечая на общий набор вопросов и руководящие принципы, установленные КТК [Кудашов, с.15]. После рассмотрения этих докладов Постоянные представители ООН могут быть вызваны в комитет для разъяснения ключевых моментов в их докладах, которые рассматриваются на следующем этапе процесса представления докладов. Каждый страновой доклад, представляемый КТК, публикуется в открытом доступе на интернет-сайте ООН, но не все в докладах доступно: государства-члены могут предотвратить раскрытие конфиденциальной информации, представив конфиденциальное приложение к своим отчетам. В процессе КТК признается, что многим государствам может потребоваться техническая и финансовая

помощь в осуществлении резолюции. В резолюции 1377 государствам предлагается обращаться за помощью в осуществлении, когда это необходимо. В нем содержится призыв к государствам-членам оказывать друг другу помощь в полном осуществлении резолюции и предлагается КТК изучить дальнейшие пути оказания государствам помощи со стороны международных, региональных и субрегиональных организаций. КТК содействует оказанию финансовой поддержки государствам, не обладающим административным потенциалом, путем предоставления информации потенциальным поставщикам помощи о глобальных потребностях в помощи через Интернет-справочник контртеррористической информации и источников помощи СТС8, посредством предложений двусторонней помощи от государств-членов, которые готовы оказать помощь, и путем оказания поддержки многостороннему сообществу доноров [Лузянин, с.43].

В июне 2003 года Группа восьми промышленно развитых стран (G8) приняла План действий по наращиванию потенциала в поддержку деятельности КТК и создала Группу действий по борьбе с терроризмом (СТАG)9. Однако координация многонациональной поддержки остается деятельностью КТК. Наконец, в резолюциях 1373 и 1377 рекомендуется поощрять государства к назначению центрального контактного центра по вопросам осуществления в их столицах. Контртеррористический комитет опубликовал Справочник контактов КТК. Указывает, регулярно обновляет его и призывает все государства использовать справочник для контактов по вопросам, связанным с осуществлением резолюций о финансировании терроризма (признавая, что этот процесс сопряжен с издержками, а соответствующие потребности в персонале часто могут быть сдерживающим фактором). КТК сосредоточил свое внимание главным образом на долгосрочных, стратегических аспектах проблемы борьбы с финансированием терроризма, разделив свою работу на три этапа. Этап А направлен на принятие законодательных мер и внесение изменений в правовую среду с целью криминализации финансовой поддержки террористической деятельности в

государствах-членах. Этап В направлен на улучшение административного потенциала, в то время как этап С будет направлен на улучшение координации внутри государств, особенно между государственным и частным секторами.¹² Для управления повседневными оперативными деталями – фактическим перечнем террористических организаций и лиц, которые их поддерживают, – ООН полагалась на Комитет 1267. Этот комитет был первоначально создан для выполнения положений целевых санкций, направленных сначала против режима Талибов, а затем также против членов сети «Аль-Каиды», которые тесно поддерживали движение «Талибан». На Комитет 1267 возложена ответственность за составление списков, исключение из списков и предоставление подробной идентификационной информации о лицах, обвиняемых в террористической деятельности. Как и КТК, Комитет 1267 также разработал важные новые институциональные инновации. В ответ на растущую обеспокоенность, выражаемую правозащитниками, оно разработало руководящие принципы как для включения в список, так и для исключения из него названий террористических организаций и отдельных лиц. Комитет требует, чтобы предлагаемые дополнения к списку включали, «насколько это возможно, описательное описание информации, которая составляет основу или обоснование для принятия мер», а также «соответствующую и конкретную информацию для облегчения идентификации лиц, включенных в список компетентными органами» [Ильин, с.83].

Для включения в список физических лиц это влечет за собой предоставление «имени, даты рождения, места рождения, гражданства, псевдонимов, места жительства, номера паспорта или проездного документа». Как и Комитет КТК, Комитет, учрежденный Резолюцией 1267, требует от государств представления докладов об их прогрессе, связанном с резолюцией, и размещает эти доклады на своем интернет-сайте. Совет Безопасности ООН не был одинок в усилиях по разработке глобальных многосторонних рамок для борьбы с финансированием терроризма.

Терракты 11 сентября 2001 года привели к фактическому изменению отношения к финансовому регулированию во всем мире. Контртеррористический комитет ООН и Комитет 1267 сыграли решающую роль в согласовании государственной политики регулирования для продвижения глобальных усилий по пресечению и замораживанию финансирования терроризма. В то время как доступ террористических групп к финансированию никогда не может быть полностью прекращен, он может быть нарушен, перенаправлен в другие каналы и, в целом, ухудшен в важных отношениях. Многосторонние усилия по ограничению источников и отслеживанию финансовых потоков средств для террористических групп могут также помочь в других формах операций по сбору разведанных и помочь прояснить детали операций глобальных террористических сетей [Возжеников, с.44].

В целях обеспечения тщательности, последовательности, транспарентности и беспристрастности оценки Контртеррористическим комитетом контртеррористических мер государств-членов ИДКТК использует два инструментальных инструмента оценки: обзор оценки осуществления (УВР) и Подробное обследование осуществления (СОП), которые были разработаны для оказания содействия Комитету и его Исполнительному директорату (ИДКТК) в продолжении конструктивного диалога с государствами-членами и в мониторинге и содействии осуществлению ими резолюций 1373 (2001), 1624 (2005), 2178 (2014), 2396 (2017) и другие соответствующие резолюции [Возжеников, с.10]. Завершив к концу 2020 года Обзор оценок осуществления и детальные обследования осуществления для всех государств-членов Организации Объединенных Наций, ИДКТК завершил почти все кабинетные обзоры государств-членов в соответствии с процедурами Контртеррористического комитета и теперь готов использовать новые и усовершенствованные инструменты оценки.

2.3.4. СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС) И СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (СНГ)

В Большом Евразийском макрорегионе Шанхайская организация сотрудничества является одним из наиболее ярких примеров этой новой гибридной или смешанной модели межгосударственного регионального партнерства. Созданная в 2001 году для решения задачи обеспечения региональной безопасности и стабильности, ШОС с тех пор продолжает свой эволюционный путь, постепенно развивая многоплановое многостороннее сотрудничество. Динамика развития ШОС обусловлена прежде всего жизненной необходимостью, многосторонними соглашениями и общими национальными интересами государств-членов ШОС. ШОС не стремится к достижению какого-то определенного целевого уровня взаимодействия, а системно движется по пути нахождения общего знаменателя в решении актуальных региональных проблем. Очевидно одно – ШОС обладает огромным потенциалом по каждому из ряда уникальных параметров, и постоянный поиск новых возможностей определяет направление ее дальнейшего развития. Тем не менее ШОС относительно молода и, как показывает история других международных объединений, проявляет характерные признаки и проблемы любой молодой и развивающейся организации [Ивакин, с.43].

Учитывая многосторонний характер равноправного участия в принятии решений, поиск взаимовыгодных решений всегда будет сложным и потребует времени и усилий за столом переговоров. Устойчивость модели ШОС зависит от способности государств-членов выявлять точки или зоны сближения интересов. Конечно, это требует времени, и часто неспособность прийти к приемлемому для всех решению свидетельствует о том, что условия еще не созрели. Несмотря на это, не может быть никаких сомнений в том, что Евразия сегодня имеет систему регионального взаимодействия, основанную на

принципах и подходах, сформулированных и закреплённых в совместных документах ШОС. Одним из важнейших итогов саммита ШОС в Астане в июне 2017 года стало вступление Индии и Пакистана в качестве полноправных членов ШОС. Обе страны безоговорочно подписали все документы ШОС и взяли на себя обязательство вносить конструктивный вклад в укрепление и развитие сотрудничества в рамках Организации. Объединив четыре ядерные державы (Индию, Китай, Россию и Пакистан) – половину мирового ядерного клуба – формат ШОС стал дополнительным опорным элементом системы поддержания глобальной стратегической стабильности. Имея восемь государств-членов, ШОС стала краеугольным камнем Евразийского континента. Организация представляет собой мощную трансконтинентальную структуру, простирающуюся от Арктики на севере до Индийского океана на юге, от Ляньюньгана (Китай) на востоке до Калининграда и России на западе [Возжеников, с.44].

ШОС изначально задумывалась как многогранная структура, основными столпами которой являются три уровня сотрудничества. Это сотрудничество:

1. в политике и безопасности;
2. в торгово-экономической деятельности;
3. в развитии культурно-гуманитарных связей. ШОС ставит своей конечной целью развитие и процветание народов, проживающих на ее территории.

В свете растущих угроз безопасности – особенно международного терроризма, все более активных экстремистских организаций, роста числа транснациональных преступных структур, роста производства и оборота наркотиков – ШОС сделала сотрудничество в области региональной безопасности одним из приоритетов. Высокий уровень взаимодействия по вопросам безопасности в рамках ШОС и стабильная общая обстановка в регионе ответственности Организации позволяют сконцентрироваться на второстепенной задаче развития торгово-экономического сотрудничества. Следует признать, что это остается скорее областью для возможных будущих

усилий, чем практической реальностью в настоящее время. Вместе с тем обстоятельства диктуют растущую необходимость сосредоточения внимания на этом направлении совместных усилий в рамках ШОС. По ряду причин гармонизировать экономические интересы государств-членов ШОС гораздо сложнее, чем их политические интересы и интересы безопасности. Однако продолжается поиск оптимальных форм, методов и механизмов взаимодействия, в том числе по экономическим вопросам, и в экономическую повестку дня все чаще включается вопрос о запуске интеграционных процессов в рамках ШОС. Последний саммит ШОС состоялся 9-10 июля 2018 года в китайском Циндао, открыв новую страницу в развитии Организации. Мероприятие подчеркнуло растущую роль и значение ШОС в глобальных делах [Булавин, с.44].

Правовая база ШОС включает 122 документа, связанных с экономикой. Они способствуют взаимодействию сторон по вопросам торговли, банковской, финансово-инвестиционной деятельности, производства, сельского хозяйства, транспорта, телекоммуникаций, таможни, развития туризма. Однако эти документы составляют лишь 7% от общей договорно-правовой базы ШОС. Организация должна приложить существенные усилия для того, чтобы принятая в 2003 году Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС и Перечень мер по дальнейшему развитию проектной деятельности в рамках ШОС на 2017-2021 годы на практике способствовали осуществлению государствами-членами мер поддержки и развития их национальных экономик, а также способствовали их дальнейшему развитию, а также снизить риск распространения глобальных кризисов и их негативного влияния на социально-экономическое благополучие.

Государства-члены ШОС также подписали ряд международных соглашений и утвердили программные документы по банковско-финансовой деятельности, развитию бизнеса, сельского хозяйства, туризма. Организация также рассматривает возможность создания Банка развития ШОС и

Специального счета, который обеспечивал бы финансовую поддержку проектной деятельности.

С вступлением в ШОС Индии и Пакистана – двух авторитетных азиатских государств – Организация стала крупнейшим в мире трансрегиональным объединением по общей площади, численности населения и экономическому потенциалу государств-членов. Мрачные прогнозы накануне расширения предсказывали, что работа ШОС станет чрезмерно сложной. Сейчас, ровно год спустя, отрадно видеть, что расширение ШОС за счет присоединения Индии и Пакистана не только закрепило практические достижения Организации, но и обеспечило неуклонный рост ее авторитета и влияния как в регионе, так и в мире. Приход новых и мощных государств широко открывает перед ШОС новые возможности. И, учитывая сохраняющуюся хрупкость международных отношений, эти возможности обеспечивают дополнительную поддержку дальнейшему развитию неисчерпаемого потенциала «Шанхайской восьмерки» во всех сферах ее деятельности, в том числе и на международной арене [Возжеников, с.4-15].

В то же время, учитывая масштабы сотрудничества в рамках ШОС, новые партнеры должны очень много работать над тем, чтобы полностью интегрироваться в эту Организацию. ШОС имеет около 30 различных механизмов, которые развивались на протяжении многих лет, и государства-основатели тщательно структурировали свою работу по мере достижения каждого соответствующего соглашения. Все решения ШОС принимает консенсусом. Адаптация к этим ранее устоявшимся форматам и рабочим методам взаимодействия - задача непростая, требующая зачастую больше обычных усилий и времени. Это касается как координации общей позиции по международной повестке Организации, так и поддержки национальных проектов ее государств-членов. Прошедший год совместной работы в качестве «Большой евразийской восьмерки» показал, что Организация способна развиваться в ответ на требования времени, на новые события, меняющиеся реалии и объективные потребности. В последние годы ШОС явно расширяет

экономический аспект своей работы. Саммит в Циндао подтвердил эту тенденцию. Организация активно развивает сотрудничество в области торговли и инвестиций, транспорта, инфраструктуры, сельского хозяйства, таможенных услуг [Амирджаян, с.10].

Кроме того, ШОС является домом для передовых производственных кластеров, включая высокотехнологичные и наукоемкие центры, а ее государства-члены обладают полным спектром минеральных богатств, позволяющих организовать любой тип производственного цикла - от добычи сырья до его переработки с высокой степенью добавленной стоимости. Концепция сотрудничества государств-членов ШОС в области охраны окружающей среды, утвержденная Советом глав государств, является важным шагом в развитии сотрудничества в области природопользования. Экономики государств-членов ШОС влияют друг на друга в силу географической близости, а региональные экономические соглашения и совместные программы в рамках Организации являются основой их поступательного совместного развития [Белоус, с.101].

В конкретном экономическом выражении на долю ШОС в целом приходится почти четверть мирового ВВП, а средний ВВП в рамках ШОС в 2016 году вырос на 4,84%, или почти вдвое превышает среднемировой показатель. Государства-члены ШОС неуклонно наращивают свои золотовалютные резервы, которые сейчас составляют почти 4 трлн долларов США. Это обеспечивает прочную экономическую основу, гарантируя выполнение внешних долговых обязательств и оказывая поддержку национальным валютам. Целых 11% всех прямых иностранных инвестиций в мире в 2016 году пришлось на «Шанхайскую восьмерку», что способствовало созданию почти 600 000 новых предприятий (без учета Китая, по которому статистика отсутствовала). Однако эти показатели кажутся довольно скромными, если учесть, что на территории ШОС проживает почти половина населения земного шара. ШОС также активно развивает туристическую индустрию. Насколько результаты оправдают ожидания, покажет время.

ШОС, безусловно, молодая организация, которая ищет свой путь развития в мире, наполненном вызовами и угрозами. Тем не менее, она сумела занять достойное место на политической карте мира за очень короткий, по историческим меркам, период. Саммит ШОС в Циндао открыл новую эру в развитии Организации. Государства-члены должны сохранить и укрепить взаимное доверие и единство, чтобы продолжать играть ключевую роль в международных отношениях, независимо от того, какие изменения они могут претерпеть в ближайшие годы.

ШОС создана как многостороннее объединение для обеспечения безопасности и поддержания стабильности на обширном евразийском пространстве, объединения усилий по противодействию возникающим вызовам и угрозам, активизации торгового и культурно-гуманитарного сотрудничества [Амирджаян, с.10]. Укрепляя сотрудничество, предотвращая конфронтацию и конфликты, поддерживая равную и неделимую безопасность, ШОС стремится к построению справедливого полицентрического миропорядка в полном соответствии с нормами международного права и принципами взаимного уважения, отвечающего интересам каждого государства с учетом их взаимных потребностей и интересов и устремления. Являясь многонациональной и мультикультурной организацией, ШОС стремится предотвратить столкновение цивилизаций в своих регионах. Расширение культурного взаимодействия в регионе ШОС, укрепление взаимопонимания между его народами, уважение их культурных традиций и обычаев, сохранение и приумножение культурного многообразия в государствах-членах ШОС, направлена на укрепление мира, обеспечение безопасности и устойчивого развития [Абдулатов, с.25]. Эти цели могут быть достигнуты путем организации международных выставок, фестивалей и конкурсов, расширения культурных обменов, сотрудничества между странами и продолжения научных исследований культурного и природного наследия региона.

2.3.5. СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА

Европейское территориальное сотрудничество занимает центральное место в построении общего европейского пространства и является краеугольным камнем европейской интеграции. Оно имеет явную европейскую добавленную стоимость: помогает гарантировать, что границы не являются барьерами, сближает европейцев, помогает решать общие проблемы, облегчает обмен идеями и активами и поощряет стратегическую работу по достижению общих целей [Амирджаян, с.10-24].

Европейское политическое сотрудничество (ЕПС) – это процесс обмена информацией, консультаций и совместных действий между 12 государствами – членами Европейского сообщества («Двенадцать») в области внешней политики. Его цель – максимизировать влияние Двенадцати в международных делах с помощью единого согласованного европейского подхода. ЕПС – это не статичный, а процесс, который продолжает развиваться и развиваться. Его истоки восходят к 1950-м годам, когда сотрудничество во внешней политике рассматривалось как неотъемлемая часть построения новой Европы после войны, Европы, которая могла бы единым голосом говорить с остальным миром. Но только в 1970 году, когда министры иностранных дел одобрили «Люксембургский доклад», были установлены основные процедуры ЕПС. С тех пор процесс сотрудничества постепенно развивался, расширялся и оформлялся в ряд этапов, кульминацией которых стало вступление в силу 1 июля 1987 года Единого Европейского закона. Единый закон впервые ставит ЕПС на договорную основу, хотя он по-прежнему сильно отличается от структур и процедур Сообщества. Ключевыми особенностями ЕПС являются:

1. обязательство консультироваться и сотрудничать по вопросам внешней политики и добиваться согласованных позиций и совместных действий;

2. обязательство проводить консультации, прежде чем принимать национальные позиции по вопросам внешней политики, представляющим общий интерес;
3. принятие решений на основе консенсуса между правительствами;
4. конфиденциальность консультаций;
5. прямые контакты между министерствами иностранных дел, обеспечивающие оперативность и гибкость [Амирджаян, с.15].

ЕРС проводят активную политику в борьбе с международным терроризмом. Они последовательно заявляли о своем полном отвращении к этому бедствию и своем нежелании поддерживать нормальные отношения со странами, которые вовлечены в поддержку терроризма. Они договорились не идти ни на какие уступки под давлением террористов или их спонсоров. Они приняли меры, как совместно, так и индивидуально, чтобы поддержать эту политику и донести до тех, кто использует терроризм, что такие акты могут только нанести ущерб целям, которые они якобы поддерживают. В своих усилиях по борьбе с международным терроризмом ЕРС тесно сотрудничают как между собой, так и с третьими странами-единомышленниками [Афанасьев, с.10-35].

2.3.6. СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА И ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

Помимо универсальных международных организаций существуют региональные организации, членами которых являются государства определенного географического района. Деятельность этих организаций может включать вопросы в рамках регионального сотрудничества: совместная безопасность, экономическая, социальная, культурная и другие сферы. Среди значительного числа различных региональных организаций выделяются организации общей компетенции, такие, как Африканский союз (Организация африканского единства), Организация американских государств, Совет Европы и т.д.

Африканский союз (АС) является международной межправительственной региональной организацией, объединяющей 52 африканских государства. Он был основан 26 мая 2001 года на базе Организации африканского единства (ОАЕ). ОАЕ была создана на Конференции глав государств и правительств независимых африканских стран в Аддис-Абебе, где 25 мая 1963 года был подписан Устав Организации африканского единства, который является ее уставом. Он имел статус постоянного наблюдателя при ООН. Объективными причинами создания АС, заменившего ОАЕ-крупнейшее политическое объединение государств африканского континента, стали коренные изменения в ориентации политических сил в мире за время его существования (1963-2001 годы) и выполнение некоторых приоритетных задач, поставленных перед ОАЕ. начало тысячелетия. Проблемы современного экономического развития африканских государств требуют поиска новых современных подходов и механизмов [David K., p.10].

Основное различие между АС и АС заключается в том, что экономическая интеграция является основным приоритетом деятельности новой организации. Однако ОАЕ рассматривала политическую интеграцию

как основную задачу принятия коллективных мер для защиты национальной независимости и территориальной целостности молодых африканских государств. В мировой истории есть много примеров интеграции, основанной на сближении экономических интересов, и этот путь кажется наиболее эффективным для решения многих проблем африканской реальности. Решение Союза содействовать развитию интеграционных процессов на основе существующих политических и административных партнерских отношений между Южной и Северной Африкой, Западной и Восточной Африкой показывает, что лидеры понимают и готовы решать проблемы, которые находятся на долгом и трудном пути.

Одним из основных принципов деятельности Африканского союза является уважение государственных границ государств-членов организации, которые существовали на момент обретения независимости. Это особенно важно для стран африканского континента, поскольку существует опасность разжигания местными элитами и СТН территориальных конфликтов, межэтнических конфликтов, сепаратистских настроений и организации государственных переворотов для контроля за месторождениями полезных ископаемых (особенно в приграничных районах). Военные перевороты Гамбии, Заира, Кот-д'Ивуара, Нигера, Руанды, Сьерра-Леоне и других стран, которые могут оказать влияние на соседние государства, являются однозначным подтверждением [Marc S., p.10].

Конституция Африканского союза подчеркивает взаимозависимость государств-членов. Он также предусматривает, что союзное право непосредственно (включая флот) вмешивается во внутренние дела государства-члена на основе решения Конференции глав государств и правительств (принятого голосованием 2:3) в случае геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности на его территории. Принципиально новым является положение о том, что представители правительств, пришедших к власти неконституционными средствами, не могут участвовать в работе АС. Акт о создании также устанавливает ряд мер

по обеспечению выполнения решений Ассамблеи Африканского союза, включая введение экономической политики и санкций за запрет на голосование в Ассамблее, прекращение транспортных и телекоммуникационных отношений со статусом «неповиновение» и т. д.), их реализация для реализации решений Ассамблеи Африканского союза, включая введение экономической политики и санкций за запрет на голосование в Ассамблее, прекращение транспортных и телекоммуникационных отношений со статусом "неповиновение" и т. д.). коллективному решению будет способствовать. Реализация новых положений, вероятно, увеличит политическую ответственность африканских лидеров [David K., p.21].

Лига арабских государств (Лига арабских государств). Основана в 1945 году на конференции арабских государств в Каире. Её пакт (так называется его устав) был подписан 22 марта 1945 года и вступил в силу 10 мая 1945 года. Согласно пакту, целями Лиги арабских государств являются: укрепление отношений между государствами-членами, координация их политики и действия по организации сотрудничества в экономической, финансовой, торговой, культурной, социальной и других областях; обеспечение их независимости и суверенитета; и вообще решать все вопросы, затрагивающие арабские страны и их интересы. Пакт Лиги предусматривал условия урегулирования споров между членами лиги и меры по устранению агрессии. Лига арабских государств открыта для присоединения ко всем независимым арабским государствам. В настоящее время членами являются более 20 арабских государств и одно неарабское государство Сомали.

Высшим органом лиги является совет, состоящий из представителей государств-членов. Он встречается на одном сеансе два раза в год. Совет может принимать свои решения единогласно и большинством голосов. Единогласные решения совета связывают все государства-члены общества; решения большинства связывают только государства, которые их принимают. Однако в пакте выделены категории вопросов, по которым Совет будет

принимать обязательные решения большинством голосов: кадровые вопросы работников; утверждение бюджета лиги; Утверждение регламента работы Совета, комиссий и Секретариата.

Организация американских государств (ОАГ). В него входят 35 государств Латинской Америки и Карибского бассейна, США и Канада (за пределами ОАГ Куба была исключена из-за давления Соединенных Штатов в 1962 году). Согласно уставу, целью организации является поддержание мира и безопасности в Западном полушарии, урегулирование споров между государствами-членами, организация совместных действий против агрессии и развитие сотрудничества в политической, экономической, социальной, научной, технической и культурной областях (ст. Для достижения этих целей организация должна руководствоваться принципами суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела, мирного разрешения споров, уважения основных прав и т. Д. торговать [David K., p.10].

Высшим органом ОАГ является Генеральная Ассамблея (ее очередные заседания проводятся один раз в год. Проверяется деятельность организации и ее органов и утверждается бюджет. Административным органом ОАГ является Генеральный секретариат, возглавляемый Генеральным секретарем [David K., p.36].

ГЛАВА 3. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

3.1. ПРАВА ЧЕЛОВЕК И АКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИХ СОБЛЮДЕНИЯ

Норма международного права – это общеобязательное правило деятельности и отношений государств или других субъектов международного права в международных отношениях. Нормы международного права составляют основу этой правовой системы и служат элементарной единицей ее внутреннего деления. Они определяют права и обязанности субъектов международного права и являются идеальной моделью их взаимодействия. Таким образом, нормы международного права приносят в международные отношения безопасность, стабильность и предсказуемость [Румянцев, Омелин, с.34-41].

Международные стандарты, как и другие правовые нормы, рассчитаны на многократное применение и могут применяться добровольно или по принуждению. Последний способ реализации отличает нормы международного права от аналогичных формальных таможенных норм международного общения, которые не имеют юридических обязательств, то есть они не могут быть применены. Особенность международно-правовых норм заключается в том, что они устанавливаются самими субъектами международного права. В контексте любой национальной правовой системы является трюизмом различать, с одной стороны, правовой диктат государства, который направлен на широкий круг неопределенных субъектов и предназначен для многократного применения (правовые нормы), а с другой стороны, частные обязательства участников в определенных правоотношениях. Первые обладают свойством нормативности, вторые – нет. Однако на международном уровне законов как таковых нет, а есть только обязательства между субъектами международного права. Причиной этого является специфический способ формирования международно-правовых

норм, создаваемых самими субъектами на основе метода добровольного согласования [Арчаков, с.38].

Это обстоятельство несколько маскирует нормативный характер международного права. Это дало некоторым авторам основания предполагать отсутствие такой собственности в международном праве. Наиболее ярким представителем этого направления мысли является профессор М. Макдугал из Университета Калифорнии. Эта позиция не нашла широкого академического признания на Западе и была категорически отвергнута российской доктриной. Гораздо более популярной считается теория, согласно которой содержание норм международного права составляют международные обязательства: отношения между субъектами международного права, регулируемые международно-правовыми нормами, в которых одна из сторон обязуется совершать или не совершать определенные действия в пользу другой стороны, и другая сторона имеет право. международно-правовые обязательства могут быть ненормативными (индивидуальными) и нормативными, в зависимости от направления воли субъектов, ответственных за их установление [Арчаков, с.18]. Первые строго индивидуализированы и определяют права и обязанности участников конкретных международных отношений с известным до сих пор внутренним кругом, в то время как вторые вводят стабильные, многократно воспроизводимые и точные правила поведения. Как правило, обязательства первого типа устанавливаются для исполнения известного Деяния: передачи определенного имущества, выдачи отдельного правонарушителя и т.д., и прекращаются с его исполнением. То есть такие институты, которые являются результатом согласования воли государств и также отражены в текстах международных договоров, на самом деле не содержат стандартных моделей поведения и не имеют никакого отношения к правовым нормам. Однако они часто включаются в состав международного права в качестве отдельного компонента – отдельных руководящих принципов международного права.

Обязательства второго типа, как следует из названия, устанавливают юридически обязательные правила поведения. Такие обязательства могут

быть самыми разными: двусторонними (обязывающими субъекта перед всем международным сообществом); простыми (включающими соответствующие права и обязанности) или сложными (со многими правами и обязанностями), но суть их не меняется. Они предусматривают необходимость совершения определенных действий (обязательство) или воздержания (запрет) или предоставляют возможность самостоятельно выбрать любимое поведение (разрешение). Такие нормы не являются изолированными, не связаны с конкретными международными отношениями, не теряют автоматически свою силу после их применения и могут применяться повторно, etc.in, иными словами, они обеспечивают нормативно-правовое регулирование международных отношений определенного типа [Рахманов, с.14].

Любая правовая норма обладает качеством обязательности. Это означает, что правила поведения, составляющие контент, должны соблюдаться всеми субъектами, к которым вы обращаетесь. В противном случае эти структуры могут быть применены против воли этих людей. В пределах национальной юрисдикции функционирование системы правового регулирования обеспечивается разветвленным государственным аппаратом принуждения. В подтверждение своих аргументов они ссылаются на:

- признание обязательного выполнения добровольных международных обязательств в качестве основополагающего принципа международного права;
- закрепление механизма контроля за соблюдением вытекающих из этого обязательств государств-участников в большинстве международных договоров (наиболее ярким примером является Европейская система защиты прав человека, основанная на Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года);
- существование межотраслевого института ответственности государств за преступления, совершенные на международном уровне, т.е. за нарушения норм международного права (Комиссия ООН по международному праву в то время пыталась кодифицировать

нормы для этого института, что привело к появлению проекта статей об ответственности государств за преступления, совершенные на международном уровне в 2001 году);

- в случае серьезного нарушения норм международного права авторитарным государством (в частности, совершения нападения или создания угрозы международному миру и безопасности) Совет Безопасности ООН может санкционировать применение принудительных мер против виновного - применение военной силы - на основе и в соответствии с процедурой, установленной главой VII Устава Организации Объединенных Наций;
- решение Международного Суда Организации Объединенных Наций в конкретном случае, в случае злонамеренного бегства проигравшей стороны, может быть обеспечено принудительными мерами, введенными Советом Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии со статьей 94 Устава Организации Объединенных Наций и т.д.

Как видно, все еще существуют некоторые гарантии соблюдения норм международного права и их фактического действия в рамках международной системы, что позволяет нам говорить об этих нормах как о правовом явлении. Однако во внутреннем законодательстве существуют различия: степень применения международного права ниже, чем в национальном законодательстве, из-за отсутствия полной институциональной основы. Иногда утверждается, что обязательный характер международных правовых норм сильно отличается от обязательного характера национального законодательства. Механизмом обеспечения этого часто является не принуждение в форме негативной юридической ответственности, а позитивная ответственность (обязательство) перед мировым сообществом. Итак, можно сказать, что преобладающим способом реализации международно-правовых норм является добровольное соблюдение этих норм, а не применение силы [Арчаков, с.38].

Статус норм гибкого права является спорным, а именно, в отличие от стандартных «жестких» международно-правовых норм, они не являются юридически обязательными в узком смысле, не предусматривают санкций за их нарушение, а сознательно соблюдаются субъектом международного права под влиянием авторитета государства. структуры, ответственные за формулирование этих норм и (или) опасаясь морального и политического осуждения международного сообщества в случае обхода их соблюдения. В науке это явление оценивается неоднозначно: во внутренней международно-правовой доктрине укоренилась идея о том, что оно не является законным («нормы международной вежливости»).

Норма права в теории юриспруденции традиционно рассматривается как единство трёх элементов: гипотезы (перечня условий, при наличии которых норма применяется), диспозиции (непосредственно правила поведения) и санкции (меры государственного принуждения, которые придётся испытать на себе нарушителю соответствующей нормы). Международно-правовые нормы, однако, вступают в некоторое противоречие с этой стандартной схемой. В большинстве случаев источники международного права приводят в текстуальной форме только гипотезы и диспозиции норм. Иногда гипотеза бывает неотделима от диспозиции, в других случаях она, наоборот, является общей для всего комплекса устанавливаемых договором норм и выносится в его начальные статьи. Порой элементы одной международно-правовой нормы и вовсе располагаются в нескольких обособленных юридических актах [Ильин, с.8-19].

3.2. СОСТОЯНИЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ В РАЗРЕЗЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ СУДОВ И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Обращаясь к компаративному исследованию подходов отечественного правоприменителя и такого международного гуманитарного юрисдикционного института, как Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), к обеспечению соблюдения прав человека при противодействии террористической деятельности представляется необходимым дать краткую характеристику сущности вышеуказанного международного судебного органа, правовым основам его деятельности, значению принимаемых решений, а также политико-правовому контексту взаимоотношений Российской Федерации и Совета Европы, в рамках которого действует ЕСПЧ,

Так, рассматриваемый судебный орган образован в соответствии с разделом II Конвенции о защите прав человека и основных свобод 04.11.1950 (далее в настоящем параграфе – Конвенция), как механизм гарантирования эффективности действия данного международного акта на национальном и международном уровнях, которое, в свою очередь, выражается в надлежащем обеспечении странами-участницами Конвенции соблюдения и защиты определенных Конвенцией прав и свобод лиц, находящихся под их юрисдикцией (статьи 1 и 19 Конвенции) [Колесникова М.М., Григорьева Я.Ю., с. 74]. Общим же контекстом принятия общеевропейского свода положений об основополагающих правах и свободах человека, как представляется, явились телеологические нормы статьи 1 Устава Совета Европы от 05.05.1949, касающиеся координации деятельности европейских государств в множестве сфер общественной жизни, в том числе – гармонизации права и административной деятельности, Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948, а также, что представляется весьма важным в контексте настоящего исследования – общая тенденция к гуманизации и либерализации

государства и общества, перехода к постиндустриальному обществу, оформившаяся ко второй половине XX века в западноевропейских странах.

Непосредственно компетенция ЕСПЧ, в соответствии со статьями 32, 33, 34 и 47 Конвенции, распространяется на ряд специфических категорий дел, связанных с реализацией положений последней:

1. о предоставлении официального легального толкования норм Конвенций;
2. межгосударственные споры по жалобам государства-участника Конвенции на действия другого государства-участника, нарушающие положение Конвенции;
3. индивидуальные споры по жалобам от частных субъектов о нарушении договаривающейся стороной гарантированных Конвенцией прав и свобод.

Причем, что характерно, условием обращения с индивидуальной жалобой в ЕСПЧ является исчерпание всех предусмотренных национальным законодательством способов юридической защиты, а спорной по делу о рассмотрении индивидуальной жалобе будет являться именно конкретное государство, которое, как предполагается, не смогло обеспечить именно надлежащей судебной защиты гарантированных Конвенцией прав и свобод подателя жалобы.

Касательно же значения решений ЕСПЧ представляется необходимым отметить, что данные акты принимаются в виде постановлений, которые являются окончательными и вступают в силу в порядке статей 42 и 44 Конвенции. В свою очередь, Конвенцией предусмотрено обязательность договаривающихся государств исполнять вступившие в силу постановления суда, в том числе, касающиеся выплаты справедливой компенсации в пользу потерпевшей стороны.

Таким образом, характеризуя ЕСПЧ необходимо заметить, что указанный институт представляет собой специализированный наднациональный юрисдикционный орган, осуществляющий особую форму судебного контроля над деятельностью государств-участников Конвенции в части соблюдения акта международного гуманитарного права и обеспечения

на внутригосударственном уровне надлежащей защиты гарантированных таким актом прав и свобод. Соответственно, в качестве важнейшего материально-правового основания для принятия решения по индивидуальной жалобе (то есть в контексте соблюдения прав человека, в том числе, при противодействии террористической деятельности) будут выступать именно нормы международного гуманитарного права.

Рассматриваемый формат аналогичных юрисдикционных органов, основанных на региональных соглашениях о правах и свободах человека, получил достаточно широкое распространение в мире, примерами таких организация являются: Межамериканский суд по правам человека, образованный в 1979 году на основании Американской конвенции о правах человека 1969 года или Африканский суд по правам человека и народов, основанный на Африканской хартии прав человека и народов 1986 года.

Непосредственно Российская Федерация вступила в Совет Европы уже в новейшей истории с принятием Федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» от 23.02.1996 № 19-ФЗ и ратифицировала Конвенцию в соответствии с Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ, с оговоркой и рядом заявлений. Особый интерес в контексте данной работы имеют заявления о признании компетенции Европейской комиссии по правам человека получать жалобы о случаях нарушения Российской Федерацией гарантированных Конвенцией прав и свобод, а также о признании в силу самого факта компетенции ЕСПЧ рассматривать дела по жалобам на нарушение Российской Федерацией положений Конвенции.

В этой связи представляется любопытным, что согласно данным статистики рассмотренных дел о нарушении норм Конвенции за период времени с 1959 по 2021 годы, размещенным на официальном сайте ЕСПЧ (<https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx>), из 24 511 дел, по которым судом были вынесены постановления, и 20 725 случаев установленного нарушения Конвенции, на Российскую Федерацию приходится 3 116 жалобы (12,7% от

общего числа) и 2 943 установленных нарушений Конвенции (14,2% от общего числа). Данный показатель является вторым после Турции (член Совета Европы с 1949 года) – 3 820 дел и 3 385 выявленных нарушений.

При этом, необходимо учитывать, что, как было отмечено ранее, Российской Федерацией признается юрисдикция ЕСПЧ только с 1998 года, то есть подобное количество дел было рассмотрено за 24 года признания Россией ЕСПЧ из 72 лет существования данного органа. Указанные данные объясняются большим количеством жалоб, направляемых в ЕСПЧ на действия Российской Федерации (зачастую по годовому итогу Россия оказывалась первой в списке по количеству поданных жалоб), к примеру, согласно статистике за 2021 год: из 70 150 поданных жалоб, 17 000 – 24,2% подавались в отношении России.

Собственно, говоря о причинах столь частого обращения в ЕСПЧ, следует обратиться к комментарию представителя Министерства юстиции Российской Федерации, данного Адвокатской газете (публикация «Почему Россия вновь стала лидером по количеству жалоб в ЕСПЧ?» от 28.01.2019), согласно которому при оценке количества подаваемых заявлений в международный судебный орган необходимо делать поправку на численность населения Российской Федерации, существенно превышающую численность населения других государств Европы, а также на множественность факторов принятия решений об обращении за защитой международной юрисдикции и высокий процент признания жалоб неприемлемыми, что в совокупности исключает возможность использования статистики подаваемых жалоб для формирования выводов о состоянии соблюдения прав и свобод граждан. Кроме того, стоит отметить, что согласно материалу, выпущенному Российским агентством правовой и судебной информации (публикация «Причины роста числа жалоб в отношении России в ЕСПЧ» от 29.05.2019), наибольшее число обращений в ЕСПЧ имело место в период времени с 2008 по 2014 годы, что, как отмечается, было связано с развитием правовой

грамотности населения и процессом взаимной адаптации отечественной и международной систем.

Говоря же о значимости актов ЕСПЧ для российского права и правоприменительной практике следует отметить, что исполнение таких актов в случае установления данной инстанцией нарушения гарантированных Конвенцией прав и свобод человека, реализовано в отечественном процессуальном законодательстве как дополнительное основания для пересмотра дела по новым обстоятельствам наряду с признанием Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим Конституции РФ положений закона, применимого в деле.

В последующем, Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П по результатам проверки конституционности отдельных положений национального законодательства, связанных с реализацией решений ЕСПЧ, провозглашен принцип верховенства Конституции РФ при исполнении постановлений ЕСПЧ. Данное положение было развито в Федеральном конституционном законе от 14.12.2015 № 7-ФКЗ, в соответствии к которым в Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», вносились положения касательно разрешения Конституционным Судом вопроса о возможности исполнения актов органов международной юрисдикции. По настоящее время имело место два случая признания невозможности исполнения решений ЕСПЧ:

- Постановление КС РФ от 19.04.2016 № 12-П по делу о возможности исполнения Постановления ЕСПЧ от 04.07.2013 «Анчугов и Гладков против России»;
- Постановление КС РФ от 19.01.2017 № 1-П по делу о возможности исполнения Постановления ЕСПЧ от 31.07.2014 «ОАО «НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ «ЮКОС» ПРОТИВ РОССИИ»

Однако, в связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы в связи с резолюцией CM/Res(2022)2 от 16.03.2022 и

резолюцией ЕСПЧ от 22.03.2022, Россия с 16.09.2022 перестает быть участницей Конвенции, что означает невозможность обращения в ЕСПЧ по факту нарушений Российской Федерацией Конвенции, имевших место после указанной даты.

Кроме того, представляется необходимым отметить, что 16.05.2022 в Государственную Думу внесен законопроект № 124020-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», в соответствии с которым постановления ЕСПЧ, которые были вынесены в отношении России начиная с 16.03.2022 (даты исключения России из Совета Европы), предлагается признать не подлежащими исполнению (решения, вынесенные до 16.03.2022 будут исполняться на общих основаниях и служить основанием для пересмотра дела, а в части выплат компенсаций исполнение постановлений будет происходить до 01.01.2023). Равным образом, рассматриваемым законопроектом предлагается внести в ряд законодательных актов Российской Федерации, а именно – процессуальных и иных связанных с судопроизводством, в первую очередь, касающиеся значения практики ЕСПЧ для национального правосудия.

Непосредственно сопоставление позиций отечественных судов и ЕСПЧ по спорам, связанных с нарушением прав человека в рамках противодействия террористической деятельности предлагается осуществить через анализ конкретных дел из приведенных выше категорий, рассматривавшихся российскими судами и ЕСПЧ, а также приведение фундаментальных позиций ЕСПЧ по данным вопросам, выраженных в постановлениях по жалобам на другие, государства-участники Конвенции.

Обращаясь же к подходам отечественного и общеевропейского юрисдикционных органов в части обеспечения прав граждан в рамках борьбы с терроризмом, предлагается разделить такие дела на несколько категорий:

1. нарушение прав жертв терроризма;

2. нарушение прав обвиняемых в совершении преступлений террористической направленности;
3. ограничение государством прав третьих лиц при осуществлении противодействия терроризму.

Так, в настоящее время в условиях существенного повышения доступности для населения информационных технологий и, соответственно, появления широкой возможности транслировать на неограниченную аудиторию самые различные сообщения, а также накладывающегося на вышеуказанные обстоятельства повышения уровня вовлеченности российских граждан в политическую дискуссию, в связи с провозглашением в Конституции свободы слова и права на свободу выражения мнений в Конвенции, к которой присоединилась Российская Федерация, в том числе, обсуждение громких событий в жизни государства и общества и, в целом, деятельности государства, существенное значение обретает вопрос противодействия использованию указанных прав для целей распространения экстремистских материалов и оправдание терроризма.

Соответственно, в подобных условиях рассмотрение позиций отечественных судов и ЕСПЧ, касающихся отграничения законного поведения, связанного с реализацией прав на выражение собственного мнения, гарантированных Конвенцией и национальным законодательством, и материально-правовых составов уголовных преступлений террористической направленности, представляется наиболее актуальным при исследовании обеспечения прав лиц, обвиняемых в террористической деятельности.

В этой связи для оценки и сравнения позиций Российской Федерации и ЕСПЧ по данному вопросу представляется необходимым рассмотреть дело «Стомахин против России» 2018 года по жалобе № 52273/07, в соответствии с обстоятельствам которого гражданин Российской Федерации Б.М. Стомахин, являясь политическим активистом, членом неформального либерально-демократического движения, составлял и распространял на печатном носителе информационно-политические бюллетени. В ряде выпусков данного

информационно-политического бюллетеня Б.М. Стомахин допустил несколько высказываний, квалифицированных российским судом, как публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации (часть 2 статьи 280 УК РФ в редакции по состоянию на момент совершения преступления) и совершение действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства (часть 1 статьи 282 УК РФ в редакции по состоянию на момент совершения преступления). И приговором Бутырского районного суда г. Москвы от 20.11.2006 Стомахин было назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы с лишением права заниматься журналисткой деятельностью сроком на три года. 23.05.2007 Московским городским судом рассматриваемый приговор оставлен без изменения.

07.11.2007 Стомахин обратился в ЕСПЧ с жалобой на нарушение вышеуказанными судебными актами гарантированного статьей 10 Конвенции права на свободу выражения мнения. По результатам рассмотрения указанной жалобы постановлением ЕСПЧ от 09.05.2018 требования заявителя были удовлетворены частично: несмотря на то, что принимаемые государством меры уголовно-правового характера являлись уместными и обоснованными насущной социальной потребностью (в отношении части высказываний, в оскорбительном ключе описывающих действия Российской Федерации в Чеченской Республике, «романтизации и идеализации террористов и сепаратистов»), меры в связи с другими высказываниями, касающимися политических заявлений о бойкоте президентских выборов 2004 года и об «отдельных случаях злоупотреблений, совершенных некоторыми русскими православными верующими», признаны неуместными и не соответствующими принципам статьи 10 Конвенции. В связи с чем, международный суд обязал Россию выплатить в пользу Стомахина Б.М. компенсацию в размере 12 500 евро за нарушение его прав на свободу выражения мнения, отказав в остальной части заявленных требований.

При этом, важно заметить, что ЕСПЧ при решении вопроса о соразмерности обвинительного приговора законным целям, отмечает, что прославление терроризма, пропаганда и поощрение насилия и ненависти является достаточным основанием для ограничения прав человека на свободу выражения мнения, тем не менее имеет место необходимость в установлении справедливого баланса между гарантированным Конвенцией правом человека и правом демократического общества на безопасность, защиту себя от террористической деятельности.

Данная позиция во многом согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 02.07.2013 № 1053-О.

Кроме того, касаясь в общем необходимости соблюдения прав и свобод лиц, обвиняемых и подозреваемых в террористической деятельности, следует заметить, что ЕСПЧ, констатируя важность борьбы с терроризмом для государств и особую сложность в деле защиты собственного населения от преступлений террористического характера, твердо отстаивает принцип недопустимости нарушения гарантированных Конвенцией абсолютных прав при противодействии терроризму. В частности, в постановлении по делу 37201/06 «Саади против Италии» 2008 года ЕСПЧ отмечает необходимость строго соблюдения государствами-участниками Конвенции принципов недопустимости применения пыток, провозглашенных в статье 3 Конвенции, причем даже если угроза пыток является косвенной со стороны третьего государства, не являющегося участником Конвенции (в данном случае, решался вопрос о допустимости депортации заявителя в Тунис, где, как установил суд, к последнему могут быть применены пытки) и если заявитель является лицо, совершившим террористическое преступление.

Также ЕСПЧ провозглашаются гарантии справедливого суда (статья 6 Конвенции) при рассмотрении дела по обвинению в терроризме, которые, помимо всего прочего, состоят в соблюдении процессуальных прав обвиняемых и подозреваемых и распространяются, как на само судебное

разбирательство, так на досудебные процессуальные действия. При этом суд, все же допускает возможности исключения из данного принципа, но исключительно при наличии веских к тому оснований (ликвидации непосредственной угрозы жизни и здоровью людей) – дело «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» 2016 года по жалобам № 50541/08, 50571/08, 50573/08 и 40531/09.

Второй группой дел, связанных с обеспечением прав граждан при противодействии террористической деятельности является защита охраняемых законом интересов потерпевших в результате совершения преступлений террористической направленности. При этом, наибольшего внимания, как представляется, заслуживает вопрос достаточности принимаемых государством мер защиты жизни лиц, пострадавших в результате террористического преступления, в том числе, при выборе мер оперативного противодействия терроризму, и расследовании обстоятельств гибели или ранения граждан в результате совершения преступления террористической направленности.

В этой связи в качестве примеров представляется возможным рассмотреть позиции ЕСПЧ, выраженные в постановлениях по жалобам № 26562/07 от 13.04.2017 по делу «Тагаева и другие против России» и № 62380/12 от 11.01.2022 по делу «Авсанова и другие против России», которые касались нарушения гарантированных Конвенцией прав заявителей во время террористического нападения на школу в Беслане с 01.09.2004 по 03.09.2004, состоявшего в непропорциональном использовании силы представителями правоохранительных органов при проведении антитеррористической операции, которое повлекло гибель заложников, а также в недостаточности расследования указанных обстоятельств.

По результатам рассмотрения указанных дел постановлениями от 18.09.2017 и 11.01.2022 международной судебной инстанцией в действиях Российской Федерации в условиях совершенного террористического

преступления было выявлено три нарушения, гарантированного статьей 2 Конвенцией права на жизнь, которые выразились:

- в непринятии должных мер к предупреждению теракта и защите граждан при условии наличия информации о готовящемся преступлении (как было установлено судом);
- в отсутствии необходимой слаженности в действиях, а также информированности, российских властей в период рассматриваемых событий, которое также явилось причиной массовой гибели и травматизации граждан
- в использовании в рамках контртеррористической операции вооружений, применение которых «не являлось абсолютно необходимым» и которые обладали серьезным разрушительным эффектом, что создавало дополнительную опасность для находящихся в здании школы заложников.

И одно нарушение права на жизнь в его процессуальном аспекте, выразившееся в непринятии должных мер к расследованию обстоятельств указанных событий, причин гибели или травматизации граждан, являвшихся заложниками.

Соответственно, признавая за Российской Федерацией допущенные нарушения ЕСПЧ принято решение о назначении потерпевшим справедливой компенсации.

Следует заметить, что указанное решение во многом является спорным в части определения обоснованности и достаточности применяемых мер при предупреждении преступлений террористической направленности и непосредственно противодействию террористам, что особенно остро будет стоять «в моменте», когда от представителей государства требуется наиболее быстрое принятие и реализация необходимого решения. Однако, можно установить, что в целом логика ЕСПЧ состоит в принуждении государств из всех возможных сценариев развития событий тот, который сопряжен с наименьшими человеческими жертвами, как среди граждан, так и среди самих преступников.

Наконец, к третьей группе дел, связанных с защитой прав граждан при противодействии террористической направленности относятся споры о пределах ограничения прав граждан, не подозреваемых в причастности к террористической деятельности, для целей предупреждения последней.

В рамках указанных дел ЕСПЧ производится разграничение прав и ценностей, носящих абсолютный характер и ни коим образом не подлежащих ограничению (в том числе, при противодействии терроризму), во главе которых стоит право на жизнь и запрещение бесчеловечного обращения с человеком. В свою очередь, вопросы ограничения и защиты иных гарантированных Конвенцией, он не обладающих абсолютным характером прав, в первую очередь, защиты частной и семейной жизни и свободы выражения мнения возможно исключительно при наличии конкретной легитимной преследуемой цели и после сопоставления последствий нарушения охраняемых ценностей и искомого позитивного эффекта, обеспечении надлежащего баланса, что в особенности касается вопросов вмешательства в частную жизнь (постановления от 06.09.1978 по жалобе №5029/71 по делу «Класс и другие против ФРГ» и от 18.05.2010 по жалобе № 26839/05 по делу «Кеннеди против Соединенного Королевства»).

Таким образом, по результатам проведенного анализа отечественного подхода к обеспечению прав и свобод граждан при противодействии террористической деятельности в сопоставлении с практикой ЕСПЧ, несмотря на, зачастую, обоснованную критику последнего в политической ангажированности принимаемых решений, связанных с доминированием в Совете Европы политической повестки стран «коллективного Запада», представляется необходимым отметить наличие позитивного эффекта международного судебного контроля, формирующего определенного рода стандарты толкования и следующей из него реализации общепризнанных (с точки зрения национального конституционного права и международного гуманитарного права) прав и свобод человека и гражданина.

Как полагает автор настоящей работы, в особенности значение международного судебного контроля велико при реализации государственной политики в сфере противодействия терроризму, поскольку, как отмечалось в настоящей работе, преступления террористической направленности обладают значительной общественной опасностью, как с точки зрения причинения вреда жизни, здоровью и имуществу населения, так и с точки зрения подрыва нормального функционирования государственных институтов, что обуславливает заинтересованность наиболее широких слоев общества в наличии эффективных способов противодействия подобной категории преступлений, избрания государством наиболее жестких (и, в первую очередь превентивных) мер к устранению террористической угрозы. Более того, значительная роль вооруженного противодействия, а также специфических способов правоохранительной деятельности при борьбе с проявлениями террористической угрозы, вкупе с высоким уровнем одобрения целей противодействия терроризму создает условия для потенциального использования недобросовестными представителями государственных институтов данных целей для решения политических задач, а также для сокрытия случаев собственных ошибок и некомпетентности.

Соответственно, международный судебный контроль, как инструмент обеспечения соблюдения прав и свобод человека в рамках антитеррористической работы призван повысить уровень ответственности государства за принимаемые решения, существенно сократить влияние внутриполитических тенденций на решение вопроса о восстановлении нарушенных прав, что в итоге призвано повысить эффективность разработки и реализации государством мер по борьбе с террористическими преступлениями, обеспечить большую степень защищенности граждан, а равно стимулировать международное сотрудничество в данной сфере.

3.3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ

Нормативное регулирование системы источников уголовного права предполагает не только адекватное законодательное отражение ее состава, но и четкое определение связей между различными ее элементами и, самое главное, их иерархическую соподчиненность. Получить такую информацию будет гораздо проще в Уголовном кодексе Российской Федерации, а потому в нем должны быть отражены не только коллизионные нормы, которые имеет конкретное уголовное право, но и универсальные правила разрешения иерархических конфликтов. Принцип законности уголовного права также требует изменения закона, который не учитывает объективно установленные и фактически установленные факты и функциональная система источников российского уголовного права [Омарова, с.38].

При модернизации этого принципа необходимо сохранить кодификацию уголовного права, исключительное право определять признаки состава преступления (но не преступность деяния), при этом это говорит о том, что содержание этих признаков может определяться Конституцией Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации и Конституцией Российской Федерации, и иными нормативными актами Российской Федерации, а также в случаях, предусмотренных статьями особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, статья 143 Уголовного кодекса Российской Федерации), законы и нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации; подчеркивают недопустимость регулярных отношений, уголовного права, нормативных правовых актов других отраслей права; разъясняют основания и условия освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и исполнения приговора, снятие судимости может быть установлено не только Уголовным кодексом Российской Федерации, но и законом об амнистии. В

рамках нормативного регулирования системы источников права [Арчаков, с.38].

Российское уголовное законодательство также требует внесения поправок в часть 1 статьи 9 и статью 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку правила временного вмешательства единственного источника уголовного права: уголовного права, без учета того факта, что существует ряд других источников, ситуация непосредственно влияют на положение лица, совершившего преступление. В то же время следует иметь в виду, что в случае преобразования пустой части уголовного закона, нормы или требований, уточняющих уголовное законодательство, содержащихся в решениях пленума, обратную силу имеет не уголовный закон (просто остается неизменным), а уголовный закон, измененный, стандарт, который улучшает положение лица, совершившего преступление. Именно поэтому в статьях 9 и 10 Уголовного кодекса Российской Федерации правильнее было бы регулировать действие во времени не уголовного закона, а уголовно-правовых норм.

В заключение представлены учебные проекты по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части регулирования системы формальных (юридических) источников российского уголовного права.

По мнению диссертанта, в УК РФ следует зафиксировать максимально полную информацию обо всех источниках уголовного права, что будет способствовать определенности уголовно-правового регулирования, обеспечению доступности уголовно-правовых норм, позволит субъектам уголовно-правовых отношений при необходимости задействовать весь массив релевантных нормативных установлений, регламентирующих их статус. В частности, в ст. 1 УК РФ нужно отразить полный состав уголовного законодательства, а также перечислить иные источники российского уголовного права, которые содержат собственно уголовно-правовые предписания. Что же касается источников бланкетной части уголовно-правовых норм, то их предпочтительнее отразить в ст. 3 УК РФ, в рамках

регламентации уголовно-правового принципа законности [Мирошниченко, с.55-61].

Нынешняя ситуация кажется совершенно неприемлемой. Если государство действительно заинтересовано в том, чтобы граждане соблюдали уголовные запреты, юридически осуществляли свое право на вред при наличии обстоятельств, исключающих преступление, поощряющих позитивное посткриминальное поведение и поддерживающих верховенство закона в правоохранительных органах, то оно должно всесторонне информировать всех об уголовных нормах, которые применяются к государству необходимы для предотвращения преступления [Нигматуллин, с.65-78].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вследствие особенностей природы современной глобальной и внутренней политики и, в частности, самого существования государства и его публичных институтов, предполагается, что неизбежно будет появляться определенное недовольство такой политикой и следующие из него разного рода формы протеста и заявления собственных политических требований, которые могут приобретать наиболее радикальные черты и представлять опасность для нормального течения общественных отношений, ставить под угрозу жизни, здоровье и имущество зачастую случайных людей. Подобные формы сопротивления существующим на конкретной территории государственным институтам, в контексте продолжающейся тенденции к гуманизации общества, повышения ценности личности и частной инициативы в общественной и экономической жизни и следующей из этого необходимости эффективного обеспечения прав человека и гражданина, однозначно трактуются современным человечеством, как недопустимые.

Развивающиеся в настоящее время процессы глобализации не могли не отразиться на распространении экстремистских и террористических идеологий, формировании явления международного терроризма и использовании последнего недобросовестными правительствами для решения собственных политических задач оказания давления на конкретные государства и международное сообщество. В связи с чем, перед современным мировым сообществом, во многом построенном на принципах демократии, гуманизма и уважения прав и свобод в настоящее время стоит задача по проведению существенной совместной работы в области координации усилий по искоренению наиболее радикальных и жестоких форм продвижения политических требований, которые несмотря на то, что обращены к публичным институтам, причиняют непосредственный урон именно правам и интересам населения.

На основании вышеизложенного, обращаясь к рассмотренным в

настоящей работе институтам международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом представляется необходимым заметить, что наиболее актуальными целями развития такого сотрудничества являются:

- достижение консенсуса в понимании самой сущности террористической деятельности, устранение разночтений и политической ангажированности в характеристике радикального поведения конкретных субъектов;
- гармонизация методов предупреждения и противодействия террористическим преступлениям, а равно деятельности по пропаганде или оправданию радикальных идей;
- выработка международного стандарта обеспечения основополагающих прав граждан в сфере борьбы с терроризмом по трем направлениям: соблюдение прав лиц, потерпевших в результате совершения преступлений террористической направленности; лиц, обвиняемых или подозреваемых в совершении таких преступлений – при проведении в отношении них процессуальных действий и исполнении наказания; в целом всех граждан – в части минимизации ограничения их прав для целей борьбы с терроризмом и обеспечения максимальной разумности таких ограничений.

В этой связи, для эффективного достижения указанных целей в международном сотрудничестве Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом автором настоящей работы предлагается реализовать следующие меры:

1. Внести в пункт 1 статьи 3 Модельного закона СНГ «О противодействии терроризму» (утв. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 03.12.2009 № 33-18) изменения в части корректировки понятия терроризма, как совокупности идеологических воззрений, состоящих в использовании или угрозе использования для достижения каких бы то ни было политических целей противоправных насильственных методов, сопряженных с устрашением населения и представителей публичной власти.

Как полагает автор настоящей магистерской диссертации, подобное

определение в большей степени отражает сущность терроризма, как явления и направлено на определенного рода смещения вектора противодействия терроризму от борьбы с практикой воздействия на решения органов власти путем использования насильственных методов, к противодействию самим идеям возможности использования таких методов. Более того, подобное определение расширяет направленность идеологии терроризма от воздействия на принимаемые решения к достижению любых политических целей, что также, как представляется должно обеспечить более комплексную работу в части последующего нормотворчества и правоприменительной практики признания конкретных идей, субъектов, организаций террористическими, а равно подобное определение призвано более эффективно исключать политическую ангажированность в классификации терроризма правоприменительными органами внутри конкретного государства.

Представляется необходимым активным образом способствовать внедрению данного определения в национальное законодательство стран-участниц СНГ и, в последующем, на уровень международных норм.

2. Создание в рамках противодействия терроризму и экстремизму на территории Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза единого перечня террористических и экстремистских организаций, а также перечня террористов и экстремистов-физических лиц.

В соответствии с положениями абзаца 2 пункта 2 статьи 6 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», установлен обязательный контроль операций с денежными средствами и иным имуществом лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к террористической или экстремистской деятельности. Ведение перечня таких лиц и организаций осуществляется специализированным органом финансового контроля на основании Постановления Правительства РФ от 06.08.2015 № 804.

Аналогичные законодательные акты имеются в странах СНГ, причем

указанная практика контроля всех операций лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности, существует с 00-х годов и продемонстрировала определенного рода эффективность.

В этой связи, принимая во внимание наличие существенных экономических, культурных и социальных связей между государствами-участниками СНГ, с целью исключения возможности перемещения лиц, связанных с террористической и экстремистской деятельности по данным странам с целью избежания мер обязательного контроля операций контроля, предлагается организовать единый для стран СНГ перечень террористов и экстремистов, подлежащих обязательному финансовому контролю.

Предлагается поручить ведение такого перечня Антитеррористическому центру государств – участников Содружества Независимых Государств по представлению национальных органов финансового контроля.

3. Создание регионального акта гуманитарного права и суда по правам человека в рамках Содружества Независимых Государств.

Как показывает статистика рассмотрения Европейским судом по правам человека жалоб на действия Российской Федерации, современное российское общество на данном этапе становления правовой культуры остро нуждается в использовании институтов международного судебного контроля (Россия находится на втором месте после Турции по количеству рассмотренных ЕСПЧ жалоб, а начиная с середины 2000-х годов находится на первом месте по количеству подаваемых заявлений в отношении Российской Федерации). Кроме того, сам подобный институт сыграл значительную роль в формировании общеевропейского представления о стандартах обеспечения и защиты прав человека и гражданина (в том числе, в ходе борьбы с терроризмом), провозгласив и последовательно отстаивая принцип использования всех доступных и разумных мер к сохранению человеческих жизней при борьбе с терроризмом. В определенной степени данный принцип уравновешивало интересы государства в максимальном использовании жестких полицейских мер и силовом подавлении террористических

выступлений с допустимыми потерями среди граждан, а равно «поддерживать в тонусе» (в части сокращения случаев некомпетентности) представителей государственного аппарата, отвечающего за борьбу с терроризмом, путем поддержания независимого международного судебного контроля.

Между тем, касательно организации такого регионального суда по правам человека, поскольку предлагается его создание на базе организаций, в которых Российская Федерация занимает бесспорно лидирующие позиции, в целях сокращения потенциальной возможности политического влияния на принимаемые решения предлагается территориально разметить такой суд за пределами России.

4. Создание на основе и выделение из Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств, действующего на основании Решения Совета глав государств СНГ от 21.06.2000, специального международного надзорного органа по контролю за деятельностью национальных правоохранительных органов и самого Центра по противодействию террористическим преступлениям, исполнению наказания и обобщения правоприменительной практики, который будет действовать независимо и подчиняться напрямую Совету глав государств Содружества Независимых государств.

Согласно Положению об антитеррористическом центре государств-участников СНГ (утв. Решением Совета глав государств СНГ от 21.06.2000) центр предназначен для обеспечения координации взаимодействия компетентных органов государств – участников Содружества Независимых Государств в области борьбы с международным терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, основными функциями центра являются: координация антитеррористической деятельности; аналитическая работа; научно-методическая деятельность; нормативно правовая деятельность (разработка модельного законодательства СНГ); обучение и переподготовка сотрудников антитеррористических подразделений.

В качестве полномочий такого органа предполагается определить координацию деятельности надзорных органов государств-участников СНГ в сфере противодействия терроризму и трансграничной преступности, а также непосредственный надзор за соблюдением государствами-участниками принятых обязательств по региональным международным соглашениям в сфере противодействия терроризму, в том числе в сфере международного гуманитарного права, а также выступление на заседаниях Совета глав государств Содружества Независимых государств с предложениями о реформировании национального законодательства. Кроме того, как полагает автор работы, будет немаловажным предоставление региональному надзорному органу полномочий по обращению в пределах своей компетенции в национальные органы судебной власти, либо в суд по правам человека. То есть предлагаемый надзорный орган будет совмещать в себе правозащитную и правоохранительную деятельность.

Как представляется автору настоящей работы, создание указанных структур (гуманитарного суда и надзорного органа), как механизмов действительного контроля над реализацией региональных соглашений, повлечет ускорение интеграции правовых систем стран-участников СНГ, повышение роли международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, повышение состояния защищенности основополагающих прав и свобод граждан, снижения роли политической конъюнктуры деятельность национальных правоохранительных органов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.05.2022);
2. Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 14.12.2015 № 7-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2022);
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [электронный ресурс] – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.05.2022);
4. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 26.05.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [электронный ресурс] – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.05.2022);
5. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ (в ред. 21.12.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [электронный ресурс] – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.05.2022);
6. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [электронный ресурс] – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.05.2022);

7. Федеральный закон «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» от 23.02.1996 № 19-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2022);
8. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человек и основных свобод и Протоколов к ней» от 30.03.1998 № 54-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2022);
9. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы (утв. Президентом Российской Федерации 28.12.2018 № Пр-2665) // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/ukazy-prezidenta/> (дата обращения: 28.05.2022);
10. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/ukazy-prezidenta/> (дата обращения: 28.05.2022);
11. Указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (в ред. от 25.11.2019) // Официальный интернет-портал Президента Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23441> (дата обращения: 28.05.2022);
12. Указ Президента РФ от 26.12.2015 № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» (ред. от 29.01.2022) // Официальный интернет-портал Президента Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40332> (дата обращения: 28.05.2022);

13. Постановление Правительства РФ от 06.06.2007 №352 «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму» (в ред. от 07.12.2011) // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/postanovleniya-i-rasporyazheniya-pravitelstva/> (дата обращения: 28.05.2022);
14. Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 № 804 «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей» // Официальный интернет-портал Правительства Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://government.ru/docs/all/103009/> (дата обращения: 01.06.2022);
15. Законопроект № 124020-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/124020-8?> (дата обращения: 28.05.2022).

Международные нормативные правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948) // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Консультант». – [электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 28.05.2022);

2. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 09.12.1994) // Действующее международное право. Т. 3.- М.: Московский независимый институт международного права, 1997. Ст. 90 – 94;
3. Европейская конвенция о пресечении терроризма (принята 27.01.1977 в г. Страсбург, ратифицирована Федеральным законом от 07.08.2000 №121-ФЗ с заявлением) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №3. – Ст. 202;
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (принята 04.11.1950 в г. Рим, ратифицирована Федеральным законом от 30.03.1998 №54-ФЗ) (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №20. – Ст. 2143;
5. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (принята 16.05.2005 в г. Варшава, ратифицирована Федеральным законом от 20.04.2006 №56-ФЗ с заявлениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – №20. – Ст. 2393;
6. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (принята 26.05.1995 в г. Минске, ратифицирована Федеральным законом от 04.11.1995 №163-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – №13. – Ст. 1489;
7. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (принята 16.06.2009 в г. Екатеринбурге, ратифицирована Федеральным законом от 02.10.2010 №253-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – №11. – Ст. 1274;
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 19.12.1966 в г. Нью-Йорк, ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 №4812-VIII с заявлением) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – 1978. – вып. XXXII. – Ст. 36;

9. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 в г. Нью-Йорк, ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 №4812-VIII с заявлением) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – 1978. – вып. XXXII. – Ст. 44;
10. Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму» (утв. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 03.12.2009 № 33-18) // Официальный интернет-портал Антитеррористического центра государств-участников СНГ. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/249> (дата обращения: 01.06.2022);
11. Резолюция Комитета министров Совета Европы CM/Res (2022)2 от 16.03.2022 о прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы // Официальный интернет портал Совета Европы. – [электронный ресурс] – URL: <https://search.coe.int/cm/Pages/> (дата обращения: 01.06.2022);
12. Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 28.03.2019 года № 2462 (2019) // Официальный интернет-портал Организации Объединенных Наций. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/> (дата обращения: 01.06.2022);
13. Положение об Антитеррористическом центре государств-участников СНГ от 01.12.2000 (в ред. от 28.09.2018) // Официальный интернет-портал Антитеррористического центра государств-участников СНГ. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.cisatc.org/132/166/189> (дата обращения: 01.06.2022);
14. Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств-членов Шанхайской организации сотрудничества лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности (принята 15.06.2006 в г. Шанхай) // Официальный интернет-портал Национального

антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/> (дата обращения: 28.05.2022);

15. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (принята 15.06.2001 в г. Шанхай, ратифицирована Федеральным законом от 10.01.2003 №3-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №41. – Ст. 3947;
16. Устав Совета Европы ETS № 001 от 05.05.1949 // Интернет-портал справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/2540600/> (дата обращения: 07.06.2022);
17. Устав Содружества Независимых Государств от 22.01.1993 // Официальный интернет-портал Исполнительного комитета СНГ. – [электронный ресурс] – URL: <https://cis.minsk.by/page/180?> (дата обращения: 07.06.2022).

Материалы судебной практики

1. Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2009 №137-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Э.Д. Бзаровой, Э.Л. Кесаевой, В.А. Назарова и Э.Л. Тагаевой на нарушение их конституционных прав положением пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690766/> (дата обращения: 28.05.2022);
2. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1053-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочемарова В. С. на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 статьи 1 и части третьей статьи 13 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал

- правовой информации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.05.2022);
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 №8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/> (дата обращения: 28.05.2022);
 4. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 №8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12054345/> (дата обращения: 28.05.2022);
 5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2022);
 6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/70137188/> (дата обращения: 28.05.2022);
 7. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Шер и другие против Соединенного Королевства» (жалоба №5201/11) от 20.10.2015 // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/71364900/> (дата обращения: 28.05.2022);

8. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Макканн (McCann) и другие против Соединенного Королевства» (жалоба №18984/91) от 27.09.1995 [рус. (извлечение), англ.] // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Консультант». – [электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 28.05.2022);
9. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Стомахин против России» (жалоба № 52273/07) от 08.10.2018 Официальный интернет-портал Европейского суда по правам человека. – [электронный ресурс] – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 28.05.2022);
10. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Саади против Италии» (жалоба № 37201/06) от 28.02.2008 // Интернет-портал «Refworld». – [электронный ресурс] – URL: <https://www.refworld.org/> (дата обращения: 28.05.2022);
11. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (жалобы № 50541/08, 50571/08, 50573/08 и 40531/09) от 13.09.2016 // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/71645712/> (дата обращения: 28.05.2022);
12. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Тагаева и другие против Российской Федерации» (жалоба № 26562/07) от 13.04.2017 // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/71902392/?> (дата обращения: 28.05.2022);
13. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Авсанова и другие против Российской Федерации» (жалоба № 62380/12) от 11.01.2022 // Официальный интернет-портал Европейского суда по правам человека. – [электронный ресурс] – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 28.05.2022);

14. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Класс и другие против ФРГ» (жалоба № 5029/71) от 06.09.1978 // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Консультант». – [электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 28.05.2022);
15. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Кеннеди (Kennedy) против Соединенного Королевства» (жалоба № 26839/05) от 18.05.2010 // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Консультант». – [электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 28.05.2022);
16. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/> (дата обращения: 28.05.2022);
17. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116 // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/> (дата обращения: 28.05.2022).

Данные статистики и аналитики

1. Глобальный индекс терроризма. // Интернет-портал Института экономики и мира. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 28.05.2022);
2. Портал правовой статистики. // Официальный интернет-портал Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 28.05.2022);

3. Официальная статистика Европейского суда по правам человека // Официальный интернет-портал ЕСПЧ. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.echr.coe.int/> (дата обращения: 28.05.2022).

Научная литература и материалы периодической печати

1. Абдулагатов, З. М. Современный экстремизм и терроризм: состояние и проблемы противодействия: монография // Махачкала: Алеф. – 2019. – С. 351;
2. Амирджанян И.Г., Керейтова Э.Э. Терроризм // Вести научных достижений. – 2020. – №10. – С. 17-21;
3. Афанасьев Е.Г. Хамас и международный терроризм. Тренды в отчёте Суда ЕС // Интернет-портал «Zakon.ru». – [электронный ресурс] – URL: <https://zakon.ru/blog/2020/5/13/> (дата обращения: 22.05.2022);
4. Белоус В.Г., Гневашев Е.А. О тенденциях международного сотрудничества в борьбе с терроризмом // Вестник международного института управления. – 2016. – №3-4(139-140). – С. 11-16.
5. Богомолов С.Ю. Становление и развитие сотрудничества мирового сообщества в борьбе с терроризмом // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – №4 (28). – С. 220-223;
6. Борьба с идеологией насилия: российский опыт противодействия терроризму // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/> (дата обращения: 22.05.2022);
7. Будаева С.В. Дегтярева Н.В. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом // Вестник ЗабГУ. – 2014. – №5. – С. 65-71;
8. Булавин В.И. «НАК – коллективный инструмент в противодействии терроризму». Интервью заместителя Председателя НАК — руководителя

- аппарата Комитета журналу «Родина», № 12/2007. Москва, декабрь 2007 года [текст] // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/> (дата обращения: 22.05.2022);
9. В Карачаево-Черкесии задержали сторонника ИГ, планировавшего теракт // Интернет-портал информационного агентства «РИА НОВОСТИ». – [электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20220429/zaderzhanie-1786076142.html> (дата обращения: 10.06.2022);
10. В Москве дали срок финансировавшему ИГ иностранцу // Интернет-портал информационного агентства «РИА НОВОСТИ». – [электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20220603/fsb-1792799322.html> (дата обращения: 10.06.2022);
11. Возжеников А.В. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – 2005. – Ст. 504;
12. Ермолин В. Причины роста числа жалоб в отношении России в ЕСПЧ // Официальный интернет портал Российского агентства правовой и судебной информации – [электронный ресурс] – URL: http://www.rapsinews.ru/international_publication/20180529/282830284.html (дата обращения: 07.06.2022);
13. Ивакин С.В. О тенденциях международного сотрудничества в борьбе с терроризмом // Интернет-портал «Nova.info» – [электронный ресурс] – URL: <https://novainfo.ru/article/11262> (дата обращения: 22.05.2022);
14. Ильин Е.П. Доклад Первого заместителя руководителя аппарата НАК на III Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18.10.2012 [текст] // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/> (дата обращения: 22.05.2022);

15. Ильин Е.П. Правовое обеспечение противодействия терроризму в Российской Федерации // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/> (дата обращения: 22.05.2022);
16. Интерпол против терроризма: сборник международных документов // составитель В. С. Овчинский. – Москва: Инфра-М.– 2012.– 810 с.;
17. Исследование опыта зарубежных государств по противодействию экстремизму: аналитический обзор // С. Н. Мешалкин, Е. В. Сарафанова, Е. В. Михайлова, Д. И. Корников; ред. Ю. А. Топтыгина. – Домодедово: ВИПК МВД России. – 2016. – 19 с.;
18. Кальченко Н.В. Право на жизнь в условиях противодействия терроризму: позиция Европейского суда по правам человека // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №21. – С. 130-132;
19. Короткова М.В. Международно-правовые аспекты регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.10. – 2003. – 185 с.;
20. Колесникова М.М., Григорьева Я.Ю. Правосубъектность Европейского суда по правам человека в Российской Федерации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2019. – № 2 (70) – С. 74-77;
21. Кудашов В.И., Малышева Е.Н. Терроризм и незаконный оборот наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2012. – №2 (11). – С. 101-107;
22. Лузянин Сергей Геннадьевич, Клименко Анатолий Филиппович «Большая евразия и ШОС: миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом» // Обозреватель – Observer. – 2018. – №8 (343). – С. 5-22;
23. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с терроризмом: монография // В. Н. Герасимов, А. А. Сизов; Министерство образования и науки РФ. – Курск. – 2007. – 162 с.;

24. Меркурьев В.В., Соколов Д.А., Ульянов М.В. Правовые основы профилактики экстремистской деятельности. // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/> (дата обращения: 22.05.2022);
25. Мирошниченко Ю.Г., Погожева О.В. ШОС: перспективы развития сотрудничества в сфере безопасности и проблемы их воплощения // Аллея науки. – 2016. – №4. – С. 594-601;
26. Нигматуллин Р. В. К истории сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2005. – №1. – С. 108-115;
27. Ображиев, К.В. Влияние факторов внешней среды на функционирование системы формальных источников российского уголовного права [Текст] / К.В. Ображиев // Актуальные проблемы уголовного права в прокурорской практике: сб. науч. ст. / под общ. ред. С.И. Никулина и Н.И. Пикурова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2013. – С. 16–24.;
28. Ображиев, К.В. Координационные связи в системе источников уголовного права / К.В. Ображиев // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (24–25 января 2013 г.). – М.: Проспект, 2013. – С. 121–124.;
29. Омарова Б. К Психология терроризма // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2018. – №4 (12). – С. 88-91;
30. Павлова З. Почему Россия вновь стала лидером по количеству жалоб в ЕСПЧ? // Интернет-портал Адвокатской газеты – органа Федеральной палаты адвокатов РФ. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/> (дата обращения: 07.06.2022);
31. Патрушев Н.П. Интервью Председателя НАК «Российской газете». Москва, 14.03.2007 [текст] // Официальный интернет-портал

- Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/> (дата обращения: 22.05.2022);
32. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия: монография // М. А. Арчаков. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета. – 2019. – 294 с.;
 33. Рахманов Н.В. Международный терроризм на современном этапе, его развитие и основные тенденции // Власть. – 2019. – №1. – С. 142-146;
 34. Румянцев Н.В., Омелин В.Н. Взаимосвязь организованной преступности с международными террористическими, экстремистскими группировками // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – №3 (43). – С. 209-213;
 35. Сорокин О.В. Об идеологических основаниях современного терроризма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015 – № 13 (724) – С. 64-79;
 36. Терроризм и его социально-экономические аспекты: монография // В. Э. Бешлык. – Пермь: Изд-во ФГБОУ ВО Пермский ГАТУ. – 2019. – 266 с.;
 37. Террористическая организация «Исламское государство». Досье. // Интернет-портал информационного агентства «ТАСС». – [электронный ресурс] – URL: <https://tass.ru/info/1264570?.ru> (дата обращения 10.06.2022);
 38. ФСБ: свыше 5 тысяч граждан из России и стран Центральной Азии воюют на стороне ИГ // Интернет-портал информационного агентства «ТАСС». – [электронный ресурс] – URL: <https://tass.ru/politika/2272750?> (дата обращения 10.06.2022);
 39. ФСБ предотвратила теракт на Ставрополье // Интернет-портал информационного агентства «РИА НОВОСТИ». – [электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20220425/terrorist-1785251955.html> (дата обращения 10.06.2022).